

А.Н. Куломзин

Пережитое

Трудно сказать, что в большей степени влияет на развитие исторической науки — появление новых концептуальных исследований, вызывающих бурные и запоминающиеся дискуссии, или публикация таких источников, знакомство с которыми сразу же становится обязательным не только для специалистов по той или иной тематике, но и для широкого круга историков — студентов, преподавателей, сотрудников академических институтов и архивов. Через два-три поколения уже непросто бывает понять, о чём так азартно и ожесточённо спорили предшественники, а документы, опубликованные в то же самое время, по-прежнему формируют наши представления о прошлом — читаются, перечитываются, анализируются и деконструируются, всякий раз подтверждая давнее мнение о своей неисчерпаемости.

Именно поэтому каждое подобное издание становится заметным событием научной жизни, привлекает к себе пристальное внимание и вызывает нелицеприятную критику. Качество их археографической подготовки и научно-справочного аппарата действительно имеет огромное значение. Ведь если любая монография в конечном счёте является выражением индивидуальной исследовательской позиции, лучше или хуже обоснованной, то опубликованные источники — достояние всего профессионального сообщества, и любые недостатки, допущенные их публикаторами, воспринимаются особенно болезненно.

Между тем с конца XX в. количество изданных и переизданных (иногда неоднократно) источников стремительно растёт. В полной мере, а может быть, даже прежде всего это относится и к мемуарным памятникам XIX–XX вв. Неопубликованных дневников и воспоминаний государственных и общественных деятелей императорской России остаётся всё меньше. До последнего времени к их числу относились и обширные мемуары Анатолия Николаевича Куломзина (1838–1923). Неудивительно, что их выход в свет¹ вызвал самый живой интерес.

В обсуждении книги приняли участие доктора исторических наук И.В. Лукоянов и А.С. Минаков и кандидаты исторических наук Д.А. Андреев, О.В. Белоусова, А.В. Мамонов и Д.Н. Шилов.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым.

Денис Шилов: Переживая о «Пережитом»

Denis Shilov (National library of Russia, Saint Petersburg): Worrying about «Perezhitoye»

«Пережитое» А.Н. Куломзина принадлежит к числу *наиболее значительных*, как по объёму, так и по содержанию, воспоминаний российских государственных деятелей пореформенной эпохи, впервые изданных за последнюю четверть

¹ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьёва. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1038 с.

века. Информативностью, подробностью отражения разных сторон деятельности правительственных учреждений мемуары Куломзина превосходят записки А.В. Головнина, Н.А. Качалова, кн. Д.А. Оболенского и уступают, пожалуй, только грандиозной мемуарно-дневниковой эпопее гр. Д.А. Милютина. Это объяснимо: как никто долго — более полувека — Куломзин находился в самом центре административной системы империи. После нескольких лет работы мировым посредником он был приглашён на службу в Государственную канцелярию, затем перешёл в канцелярию Комитета министров, три года был товарищем министра государственных имуществ, вновь вернулся в канцелярию Комитета министров и 20 лет (!) управлял ею, а потом ещё 14 лет состоял членом Государственного совета (из них полтора года — его председателем). Все тайны петербургского чиновничества были ему известны. Несколько поколений сановников прошло перед его глазами.

Поэтому публикация воспоминаний Куломзина, о подготовке которой давно уже было известно, ожидалась с понятным нетерпением и не могла не стать заметным научным событием. И вот, наконец, массивный том «Пережитого» вышел в свет. Текст подготовлен к публикации С.С. Новосельским и К.А. Соловьёвым. Последний является также составителем издания, автором вступительной статьи, комментариев и примечаний.

В отечественной исторической науке существуют давние традиции подготовки фундаментальных изданий дневников и воспоминаний. На протяжении многих десятилетий их поддерживает, в частности, академическая серия «Литературные памятники», в которой за последние годы вышли десятки образцовых изданий, включая воспоминания кн. И.М. Долгорукова, Д.Н. Свербеева, Н.П. Гилярова-Платонова. Традиции, заложенные в 1940–1960-х гг. П.А. Зайончковским, были продолжены его учениками и представителями их исследовательской школы, недавно завершившими публикацию 12 томов воспоминаний и дневников Милютина. Всё это позволяет современным публикаторам мемуарных рукописей пользоваться уже сложившимися, признанными в историографии способами передачи текста и создания научно-справочного аппарата к нему. Сравнивая, например, выпущенные в 1960-е гг. дневники П.А. Валуева и А.А. Половцова с изданными в 1997–2013 гг. мемуарами Д.А. Милютина, можно констатировать схожесть принятых их составителями научно-методических подходов, которые предполагают проработку личного архива мемуариста, связанных с его деятельностью материалов, выявление и сличение между собой всех вариантов публикуемого текста, их источниковедческое изучение и археографическое описание. Обязательной частью научно-справочного аппарата является аннотированный указатель имён, а иногда и указатель географических названий.

Издание открывается вступительной статьёй «Анатолий Николаевич Куломзин и его воспоминания» (с. 6–17). Она посвящена преимущественно биографии сановника, излагаемой по тексту «Пережитого», нескольким мемуарным источникам и отдельным письмам. Кроме самих воспоминаний, документы обширного (695 единиц хранения) архивного фонда мемуариста (РГИА, ф. 1642) в статье не использованы. В целом этот очерк уступает по полноте и мало что добавляет к работам Анатолия Викторовича Ремнёва (1955–2012), много сделавшего для изучения жизни и государственной деятельности Куломзина², о котором до того

² Ремнёв А.В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А.Н. Куломзина // Политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX века: Сборник научных трудов. Иркутск, 1988. С. 42–57; Ремнёв А.В. Тайные пружины царских канцелярий, или История жизни одного

в отечественной историографии встречались лишь редкие упоминания. Именно Ремнёв первым исследовал историю создания «Пережитого» и дал археографическое описание его рукописей. Соловьёв ограничивается лишь беглой их характеристикой. Он сообщает, что основная часть мемуаров, хранящаяся в фонде Куломзина в РГИА, представляет собой «22 тетради машинописного текста с рукописными вставками автора» (с. 16), но не поясняет, что это лишь та часть, которая была отобрана для публикации, тогда как полный корпус текста «Пережитого» включает 42 единицы хранения³. Археографическое описание этого комплекса во вступительной статье сводится к фразе: «В сущности, это черновой, плохо упорядоченный материал, в котором много пропусков и повторов» (с. 16). Через несколько строк вновь повторяется, что «автор не завершил работу над ними. В тексте много пропусков, недописанных фрагментов... Встречаются явные неточности, ошибки, повторы» (с. 16–17).

Однако подобная оценка степени готовности мемуаров неверна. Наличие большого количества поправок указывает скорее на творческие особенности мемуариста (дотошность, склонность к саморедактированию), чем на незавершённость рукописи. Напротив, переход Куломзина к машинописной фиксации текста скорее свидетельствует о том, что автор считал свой труд близящимся к концу. Не случайно он уже начал переговоры с историческими журналами о публикации «Пережитого». Как можно было их вести, если воспоминания всё ещё представляли собой «черновой, плохо упорядоченный материал»? Наконец, подготовленные Куломзиным титульный лист, полное оглавление и предисловие, а также его переписка летом 1918 г. со свояченицей О.Д. Замятниной о перепечатке рукописи подтверждают, что работа над написанными частями мемуаров подходила к завершению⁴. Не хватало лишь последней, девятой части «Пережитого». О ней Куломзин сообщал 23–24 июля 1918 г.: «Моё участие в Госуд[арственном] сов[е]те. Революц[ия]. Не написана. Чтобы [написать] эту часть, надо вернуться в Петроград»⁵. В том же письме он высказал предположение, что в девятой части будет страниц «100, вероятно, если не более»⁶. Однако побывать в Петрограде автору не удалось, часть мемуаров о Государственном совете была начата им уже в эмиграции.

Соловьёв полагает, что «большая часть мемуаров была написана в 1903 г.» (с. 16), однако ничем это не подтверждает. Судя по рукописям «Пережитого», хранящимся в РГИА, и, в частности, по изменению хронологических помет перед первой главой, они создавались на протяжении более чем двух десятилетий, начиная с 1890-х гг.⁷ За это время появилось как минимум четыре редакции — одна рукописная и три машинописных. Не исключено и даже вероятно, что их

русского бюрократа // Выдающиеся государственные деятели России XVIII–XX вв.: Сборник научных статей. Омск, 1996. С. 101–133; Ремнёв А.В. «Обрусение», образование и востоковедение: сибирский вариант имперской политики в интерпретации А.Н. Куломзина // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении, XVIII — начало XX в. Иркутск, 2008. С. 289–316; Ремнёв А.В. Анатолий Николаевич Куломзин // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 26–45.

³ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 172–213.

⁴ См.: Там же, д. 212.

⁵ Там же, л. 38 об.

⁶ Там же, л. 36 об.

⁷ А.В. Ремнёв полагал, что Куломзин работал над мемуарами с 1900 по 1918 г. (Ремнёв А.В. Комитет Сибирской железной дороги... С. 44). По-видимому, первая дата почерпнута им из хронологической пометы автора перед началом первой главы «Пережитого» в рукописи поздней редакции, однако в ранних редакциях эта дата была другой.

было больше. Отмечу, что в рукописях поздней редакции мне не встречались пропуски и недописанные фрагменты, упоминаемые во вступительной статье.

Другой вариант воспоминаний Куломзина, как отмечает Соловьёв, «значительно менее полный», хранится в Отделе рукописей РГБ и представляет собой «9 тетрадей машинописного текста с рукописной правкой автора» (с. 16). Однако во вступительной статье не сказано — использованы ли эти материалы при подготовке издания и как именно они соотносятся с теми, что находятся в РГИА, в чём заключается их неполнота и какой характер носит авторская правка⁸.

Наконец, последняя часть мемуаров (две тетради) была написана Куломзиным уже после его отъезда из России и сохранилась в ГА РФ. Более из вступительной статьи ничего узнать о ней нельзя. Между тем первоначально она оказалась в составе знаменитого «Пражского архива» русской эмиграции (на первом листе первой тетради имеется соответствующий штамп), в составе которого и поступила затем в ЦГАОР СССР (с 1992 г. — ГА РФ). Первая тетрадь («Мои занятия в Государственном совете») помещена в издании как «Часть девятая». Это вполне соответствует общей структуре мемуаров и замыслу автора (судя по составленному ранее оглавлению). Однако следовало бы указать, что в эмиграции Куломзин назвал этот раздел главой, отметив на первой странице: «Кажется, 72-я». Судя по авторскому оглавлению «Пережитого», изначально глав о Государственном совете предполагалось несколько. Возможно, последующие носили бы то же заглавие, с подзаголовком «Продолжение» (так Куломзин не раз делал в предыдущих частях), однако созданы они не были. Единственная написанная глава о Государственном совете представляет собой автограф с многочисленными зачёркиваниями и вставками (в том числе на вложенных в рукопись отдельных листах). Вторая тетрадь содержит размышления Куломзина над воспоминаниями С.Ю. Витте, издававшимися с 1922 г. Публикаторы обоснованно решили поместить этот очерк в приложение к основному тексту. Однако важно было бы отметить, что он написан совершенно иным, крупным почерком, очевидно, рукою другого лица. Куломзин, вероятно, сначала надиктовал его, а затем уже самостоятельно отредактировал рукопись.

Во вступительной статье дана краткая ссылка на опубликованные в разное время фрагменты «Пережитого». Хотя публикации эти не очень значительны, они являются частью истории изучения и воспроизведения текста. Между тем Соловьёв не упоминает ни об их полноте и археографических особенностях, ни о том, какие именно части мемуаров ими охвачены. Указанная в ссылке публикация в № 5 «Сельского вестника» за 1911 г. мною не обнаружена (равно как и в других номерах этой газеты за январь—февраль 1911 г.). В 1914 г. по инициативе самого Куломзина небольшой отрывок (с. 145—188) появился с некоторыми сокращениями в «Вестнике Кинешемского земства»⁹. Почти тот же самый текст (с. 164—193) открывал тематический выпуск «Записок» Отдела рукописей

⁸ В ОР РГБ находятся более ранние редакции «Пережитого», нежели в РГИА (за помощь в работе с этими текстами благодарю К.Г. Боленко). В них полностью отсутствуют начало и конец воспоминаний (до событий 1859 г. и после 1899 г.). Подробное описание этих рукописей см.: Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX вв. (из фондов Отдела рукописей). М., 1951. С. 88—92.

⁹ Куломзин А.Н. Мои воспоминания по должности мирового посредника Кинешемского уезда первого созыва // Вестник Кинешемского земства. 1914. № 1. С. 8—12; № 3/4. С. 7—12; № 5/6. С. 12—16; № 7/8. С. 10—16. В конце текста, опубликованного в № 7/8, было обещано: «Продолжение в следующем №», однако публикация прервалась (Ремнёв А.В. Тайные пружины царских канцелярий... С. 132).

ГБЛ, посвящённый 80-летию крестьянской реформы 1861 г.¹⁰ Как предположил Ремнёв, советские издатели просто не знали о публикации 1914 г.¹¹ Сам Ремнёв несколько раз публиковал фрагменты «Пережитого», относящиеся к поездке Куломзина по Западной Сибири в 1896 г.¹²

В целом, сделанное во вступительной статье описание рукописей и истории создания «Пережитого» представляется явно недостаточным и поверхностным. Готовя к печати текст, занимающий более полусотни дел в трёх разных архивах, имеющий сложную историю и архитектуру, сохранившийся в многочисленных редакциях, составитель умолчал о большинстве связанных с его изданием источниковедческих и археографических проблем.

Полноценное рецензирование столь сложного в текстологическом и археографическом отношениях издания невозможно без обращения к рукописям, использованным при его подготовке. Поэтому мною была сделана выборочная сверка опубликованного текста с рукописными редакциями воспоминаний.

Начало воспоминаний (с. 20) сохранилось в РГИА в трёх вариантах. В д. 173 от руки вписаны эпиграф («The truth, nothing but the truth»), его перевод и помета «1890-й год»¹³. В д. 176 русский текст эпиграфа напечатан, английский — внесён чернилами, сделанная на машинке датировка «1890 год» зачёркнута, вместо неё над строкой написано «1895 год» (также перечёркнуто), а под строкой — «1900 год»¹⁴. В деле имеется инструкция по новой компоновке рукописи, составленная автором для машинистки¹⁵, а текст мемуаров содержит многочисленные корректорские знаки, сделанные в соответствии с этими указаниями. В д. 172 эпиграф уже другой, он заменён на строфу из опубликованного в 1900 г. стихотворения гр. А.А. Голенищева-Кутузова «Дорожная дума»: «И вы заглохшие, забытые, немые / Усадьбы барские, жилища родовые / Тех сильных некогда, но в смуте новых дней / Разбредшихся теперь, распуганных семей»¹⁶. Далее напечатано: «1900 год»¹⁷. Из этих трёх дел только д. 172 содержит листы с машинописным шрифтом разного типа — крупным отпечатана большая часть текста, мелким — отдельные страницы (некоторые из них с обычными интервалами между словами и строками, а другие — с увеличенными, очевидно, для того, чтобы подогнать сделанные вставки к следующим за ними старым листам).

¹⁰ При этом также были сделаны купюры, а авторский заголовок «Освобождение крестьян» заменили редакторским: Куломзин А.Н. Воспоминания мирового посредника // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 10. М., 1941. С. 9–32. Публикации предшествовала статья И.Г. Яшунского «Из архива А.Н. Куломзина» (с. 5–8), в которой впервые содержалось археографическое описание хранящихся в ОР РГБ рукописей «Пережитого».

¹¹ Ремнёв А.В. Тайные пружины царских канцелярий... С. 132; Ремнёв А.В. Анатолий Николаевич Куломзин. С. 45.

¹² Ремнёв А.В. Омское Прииртышье в воспоминаниях А.Н. Куломзина // Известия Омского отдела Русского географического общества. 1995. № 1. С. 146–165; Ремнёв А.В. Омское Прииртышье в письмах А.Н. Куломзина // Омская старина. 1994/1995. Вып. 3. С. 86–101 (см. также: Куломзин А.Н. «Воля только здесь...» // Иртышский вертоград. М., 1998. С. 204–212).

¹³ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 173, л. 9.

¹⁴ Там же, д. 176, л. 3.

¹⁵ Там же, л. 1–1 об.

¹⁶ См.: Старина и новизна: Исторический сборник. Кн. 3. СПб., 1900. С. 17–19. К тому времени Куломзины и графы Голенищевы-Кутузовы породнились: дочь поэта Татьяна стала женой второго сына А.Н. Куломзина Анатолия.

¹⁷ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 172, л. 1.

Напечатанный на разных машинках текст содержится также в делах 174 и 175 (вторая и третья главы мемуаров)¹⁸.

Сравнивая три варианта начала мемуаров, приходишь к выводу, что самый ранний из них, черновой, находится в д. 173. Затем был создан текст из д. 176. Самый поздний — в делах 172, 174 и 175. На это указывают и многочисленные исправления: вписанное от руки в д. 176 напечатано в делах 172, 174 и 175. Наконец, в д. 176 крайняя дата, встречающаяся в машинописном тексте — 1913 г., в рукописных вставках — 1915 г. В текстах из дел 172 и 174 упоминается 1918 г. Поэтому можно условно выделить три редакции — черновую (д. 173), раннюю (д. 176) и позднюю (д. 172, 174, 175).

Сверка публикации первых глав «Пережитого» с рукописями показывает, что при издании за основу была взята *ранняя* редакция. В результате в книге не отразилась авторская правка, сделанная в 1917–1918 гг., уточнявшая и изменявшая смысл написанного прежде. Так, в поздней редакции во фразе «хранящимися у *известного костромского археолога* Владимира Николаевича Смольянинова» выделенные курсивом слова вписаны от руки на полях¹⁹, в ранней редакции²⁰ и в публикации их нет. Фраза «подлинная выпись из писцовых книг Алатырского уезда, где упоминаются мордовские мурзы князя Куломзины» в поздней редакции снабжена автором рукописной ссылкой: «опубликованная в собрании столбцов моего имения с. Корнилова, С.-Петербург, 1913 года»²¹; в ранней редакции и в книге это примечание отсутствует. В опубликованном тексте говорится: «Наш род имел владения в Симбирской губернии, а именно, один из моих предков Куломзин купил в Алатырском уезде земли и переселил туда 2-х своих крестьян, а мой однофамилец того же колена, как и я, Николай Константинович Куломзин имел имение в Симбирске»²². В поздней редакции этот фрагмент выглядит иначе: «Наш род имел владения в Симбирской губернии, а именно, один из моих предков купил в Алатырском уезде земли и переселил туда 2-х своих крестьян; это имение по-видимому и перешло по наследству моему однофамильцу Николаю Константиновичу Куломзину»²³. Очевидно, что смысловые различия существенны. И это лишь на одной странице (с. 21), можно привести десятки примеров и по другим. Отмечу, что во вступительной статье, излагая биографию Куломзина, сам Соловьёв ссылается именно на позднюю редакцию первой главы его воспоминаний из д. 172 (с. 6–7).

Передача текста первых глав по ранней редакции привела к нарушению композиционной стройности повествования, которую, Куломзин, очевидно, искал, но достиг только в 1918 г. По-видимому, данная часть мемуаров писалась им не без усилий и не одновременно. Этим, вероятно, объяснялась и нелогичная последовательность сюжетов в ранней редакции, воспроизведённая в книге: рассказав о своих предках, родителях, детских годах и учёбе в университете, автор во второй главе вновь возвращается к событиям и впечатлениям детства.

Переработанное к 1918 г. начало мемуаров существенно отличалось от прежнего (и, соответственно, от опубликованного). Первая глава в поздней редакции

¹⁸ Д. 173 содержит листы как с рукописным, так и с машинописным (исправленным от руки) текстом. В делах 172, 174, 175, 176 — только машинопись с рукописной правкой.

¹⁹ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 172, л. 2.

²⁰ Там же, д. 176, л. 3 об.

²¹ Там же, д. 172, л. 2.

²² Там же, д. 176, л. 4.

²³ Там же, д. 172, л. 2–3.

включала разделы «Род Куломзиных. Мои дед и бабка. Мой отец. Моя мать. Наш деревенский дом. Наши родственники. Антресоли. Управление имением»²⁴. Во второй описывались «Окружающие дом красный двор и сад. Специальное межевание. Поездка за границу. Жизнь в Москве. Поездка в Крым. Севастополь, Одесса и Симферополь. Семейство Султана Крым-Гирея. Возвращение в деревню»²⁵. В третьей освещены «Приготовление к университету. Вступление в университет. Сотый Татьянин день. Профессора и их влияние. Студенческая жизнь. Первые студенческие беспорядки»²⁶. Таким образом, материал двух глав ранней редакции в поздней был разделён на три. Соответственно, утверждение публикаторов, что «третья глава в рукописях воспоминаний отсутствует» (с. 69) — ошибочно. В собственноручно написанном автором в 1918 г. оглавлении к «Пережитому» порядок глав и разделов совпадал именно с рукописями поздней редакции²⁷. А 19 июля 1918 г. Куломзин прямо указал Замятниной «тетрадь о детстве разделить на 3 главы, перестукать начало и конец двух первых глав, часть *моя мать* поместить раньше *дом*»²⁸.

Впрочем, как показала сверка текста, публикаторы использовали и позднюю редакцию. В двух местах (с. 34 и 37) они корректно приводят её фрагменты, однако в других случаях не *сравнивают*, с необходимыми оговорками, а *смешивают* варианты, не делая никаких примечаний. В результате, в некоторых местах книги возникает нечто среднее между ранней и поздней редакциями. Так, раздел «Красный двор и сад» (с. 60) начинается в соответствии с ранней редакцией²⁹, но после фразы «библиотека, перешедшая в собственность моего младшего сына», с текстом начинают происходить разные превращения. В ранней редакции за этими словами следует помета «по № под строкою», далее весь абзац отчёркнут для помещения в сноску, где и напечатан позднее³⁰. В книге эта авторская сноска почему-то перемещена в основной текст, а затем воспроизводится уже не ранняя, а поздняя редакция: словосочетание «общественные библиотеки»³¹ заменено на «общественные книгохранилища»³², фраза «в том числе в библиотеку Кинешемского реального училища»³³ сокращена до «Кинешемскому реальному училищу»³⁴. Но в поздней редакции после фрагмента, перенесённого Куломзиным в сноску, а публикаторами размещённого в основном тексте, напечатано: «Ныне в 1918 году эта библиотека разграблена крестьянами соседних деревень во славу пролетариата. Мало того; часть библиотеки, имевшаяся в городе Кинешме, на квартире сына, предводителя дворянства, реквизирована совдепом для пролетарского клуба»³⁵. В книге этого замечания нет (как, опять-таки, и в ранней редакции). В описании обстановки гостиной в усадьбе (с. 55) часть абзаца опубликована в ранней редакции³⁶, часть — в поздней³⁷.

²⁴ Там же, д. 172.

²⁵ Там же, д. 174.

²⁶ Там же, д. 175.

²⁷ См.: Там же, д. 212, л. 6.

²⁸ Там же, л. 33 об. Курсивом выделены слова, подчёркнутые в оригинале.

²⁹ Там же, д. 176, л. 61.

³⁰ Там же, д. 174, л. 2.

³¹ Там же, д. 176, л. 61.

³² Там же, д. 174, л. 2.

³³ Там же, д. 176, л. 61.

³⁴ Там же, д. 174, л. 2.

³⁵ Там же, д. 174, л. 2.

³⁶ Там же, д. 176, л. 49–50.

³⁷ Там же, д. 172, л. 21–22.

Рассказ Куломзина о начале его службы в Государственной канцелярии дошёл до нас в двух редакциях. Первоначальный машинописный вариант имеет авторскую нумерацию листов (чёрным штампом, в верхнем левом углу)³⁸. В него вносились правка, и если её оказывалось слишком много, тот или иной фрагмент перепечатывался (на машинке с мелким шрифтом), а те части, где она была незначительной или вовсе отсутствовала, вынимались и вставлялись в новую версию. Соответственно, полный текст содержит только поздняя редакция³⁹, а в ранней не хватает вынутых листов. Однако при сверке соответствующих страниц книги (с. 205—218) с рукописным (точнее, почти исключительно машинописным) подлинником выясняется, что он передан с ошибками. В первых же пяти строках вместо предложения «в начале февраля месяца приятель мой Томас Мичель, секретарь английского посольства..., ввёл меня к английскому послу и доставил мне приглашение на его бал» напечатано: «в начале февраля месяца *приехал* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — Д.Ш.) приятель мой Томас *Мичел*, секретарь английского посольства..., ввёл меня к английскому *посланнику* и доставил мне *приглашения* на его бал». Несколькими строками ниже во фразах «её матери, которая *вспомнила, что* знавала» и «был в это время *уже* женат» пропущены выделенные слова, а вместо «*приезжала* в Питер» набрано «*проезжала*» (с. 205).

Подобные ошибки в передаче текста встречаются и на следующих страницах. В ряде случаев они заметно искажают смысл. Так, слова «но в *разрабатывавшихся* тогда *положениях* уездных и губернских училищных советов» превратились в невразумительное: «но в разработавшихся тогда в уездных и губернских училищных советах» (с. 207). В рукописи говорится «к *новому году*», в книге — «в *новом году*» (с. 209). У Куломзина «засим наступают избытки», у публикаторов — «затем наступают убытки», вместо «главной язвы русского благосостояния, *гибельно отражающейся*» — «*губительно отражающегося*» (с. 210). «Преувеличенные *строительные цены*» трансформировались в «*цели*» (с. 212). Выражение «за неимением в *центре* арены для обсуждения политических вопросов» заменено бессмысленным «за неимением *центра* арены» (с. 213). В предложении «по поводу вновь образованной комиссии Чевкин *хотел возобновить свою попытку* двинуть железнодорожное строительство» выпали все выделенные слова. Здесь же при указании «на необходимость соединения... Москвы... с Курском, Харьковом, Киевом, Одессой» Харьков становится Хабаровском! (с. 214) «Нил Петрович Колюпанов» стал Николаем (с. 217) и т.д.

Всего на сверенных с рукописью 14 страницах (с. 205—218) выявлено около 90 различных ошибок и погрешностей в передаче текста. Очевидно, что работа по его набору и сверке не была организована должным образом. Кроме того, в данном фрагменте публикаторы излишне вольно обошлись с особенностями авторского стиля. Например, устаревшие слова «сим», «сему» всюду заменены на «этим», «этому», сокращения раскрываются без скобок и оговорок, разрядка проигнорирована.

Воспоминания Куломзина о «занятиях» в Государственном совете — единственный черновой автограф, проблемы выбора редакции текста здесь нет, однако мелкий угловатый почерк Анатолия Николаевича трудно читать, и публикаторы во многих случаях не смогли правильно разобрать написанное. Так, «*милейший* председатель» Фриш оказался «*милостивым*». Если, согласно рукописи, Витте был «*лично* заинтересован в том..., чтобы вывести страну из кризиса», то

³⁸ Там же, д. 194.

³⁹ Там же, д. 193.

в книге он, наоборот, «мало заинтересован». Столыпин у автора «свежий человек», а публикаторы читают «светлый». «Навлекли на себя без определённой вины» прочитано как «повлекли на себя без определений вины», а «основание создания правительственных членов» — как «основание соединения». Выражение «дышал сожалением о покинутом строе» заменено на абсурдное «дышал согласием», «определялся раз в год» — на нелепое «переделался раз в год», «отношение канцелярии к членам Совета» — на «отношение канцелярии к делам Совета». «Не желавших возвращения к старым традициям» превратили в «не желавших возвращаться к старым привилегиям». «Ходатайство о помиловании известной категории нарушителей закона могло показаться обидным для Его величества» в публикации искажено до неузнаваемого, первые три слова пропущены, и получилась безграмотная фраза: «Известная категория нарушителей закона могла показаться обидным».оборот «не помешавших своим вмешательством в суждения его принятию Советом» также лишился смысла, так как напечатано «не помешавших своим вмешательством в суждения, принятые Советом» и т.д. (с. 919—922). Всего на четырёх страницах выявлено около 40 ошибок прочтения, но нет ни одного указания публикаторов на неразборчиво написанные слова или их сочетания! Пытаясь угадывать по общему смыслу фраз, они в некоторых местах значительно исказили суть написанного, не остановившись перед очевидной несогласованностью, нелогичностью и даже бессмысленностью некоторых прочтений. Можно указать и другие погрешности против автографа: десяток слов пропущен, одна фраза повторяется дважды, абзацы произвольно объединяются или, напротив, разбиваются, многочисленные сокращения и здесь раскрываются без оговорок, хотя во вступительной статье утверждается, что вставляемые слог и слова «заключены в квадратные скобки» (с. 17). Не только вставки, но и авторские зачёркивания в данной части никак не отражены в примечаниях, тогда как раньше они воспроизводились.

Археографическая работа публикаторов вызывает немало вопросов. О её принципах во вступительной статье почти ничего не сказано. Насколько можно судить, в книге систематически воспроизводятся сделанные автором зачёркивания, что даёт читателю возможность точнее увидеть источник. Но рукописи «Пережитого» полны также вставками и исправлениями, которые игнорируются без оговорок. Текст, напечатанный вразрядку, публикаторы также оставляют без внимания.

Научно-справочный аппарат издания по сути состоит из разделённого на две части обширного указателя имён и сравнительно небольшого количества комментариев, играющих второстепенную роль. Соловьёв отказался от широко распространённой практики составления аннотированного указателя имён, в котором читатель легко может отыскать нужную информацию. В результате указатель (с. 1022—1038) представляет собой фактически приложение к примечаниям, поскольку включает только фамилии с инициалами и номера страниц. При этом из 1 228 примечаний к тексту «Пережитого» (с. 944—1021) биографическими являются около 850 (70%). Из оставшихся 370—380 большую часть составляют уточнения («имеется в виду то-то или тот-то» и т.п.), пояснения упоминаемых понятий и изложение общеизвестных фактов. Примечаний, в которых приводимые Куломзиным сведения комментируются по другим источникам, в том числе архивным, удалось насчитать восемь (353, 1170, 1190, 1194, 1199, 1208, 1226, 1227). Документы личного фонда Куломзина в РГИА, Комитета министров и Государственного совета при этом не привлекались. Кроме того, разные части мемуаров

прокомментированы неравномерно: на первую треть текста (части 1–4) приходится около 60% всех примечаний.

Биографические справки подготовлены, в целом, на приемлемом уровне, хотя их составитель слишком подробно представил персоны общеизвестные и уделил мало внимания остальным. Так, примечание о гр. А.А. Бобринском, единственный раз бегло упоминаемом в мемуарах (с. 635), занимает 15 строк (с. 1033). Столь же подробно сообщается о министрах, особах Императорской фамилии, членах Государственного совета, видных деятелях науки и культуры, о которых читатель и сам легко найдёт приведённые сведения. В то же время о ряде лиц не сказано вовсе, причём это не безвестные крестьяне, а чиновники. Например, ничего не говорится в примечаниях о П.Г. Лекторском, О.В. Маркграфе, А.И. Морозове, а в указателе отсутствуют даже их инициалы (с. 1030–1031). Между тем сам Куломзин пишет, что Морозов был сенатором (с. 727), Лекторский служил в учебном (с. 31–32), а Маркграф – в лесном (с. 481, 589) ведомствах. Сведения о них можно почерпнуть, например, в «Адрес-календаре Российской империи» и «Словаре русских сенаторов» Н.А. Мурзанова⁴⁰.

В указателе и биографических примечаниях встречаются и другие недочёты. Многие государственные и военные деятели представлены как «русские» (примечания 550, 551, 584, 656, 658, 659, 676, 686, 691, 709, 717, 777, 927 и др.), но далеко не все. Михаил Николаевич Островский – «русский», а его старший брат Александр – нет (с. 966), П.А. Столыпин – «русский», М.Г. Акимов, А.Г. Булыгин, Б.В. Штюрмер – нет (с. 1001). Вероятно, составитель не вкладывал в это различие особого смысла, однако оно «режет глаз». Иногда дословно повторяются справки об одних и тех же лицах (например, примечания 176 и 845, 297 и 551, 709 и 780). Тесть Куломзина и его родственники почему-то именуются и в тексте, и в комментариях не Замятниными, а «Замятиными». В указателе ачинский исправник А.А. Львов раздвоился, а два Михаила Николаевича Муравьёва (дед и внук), никогда не имевшие, кстати, приставки «Виленские», напротив, слились в одного человека. Упомянутый в мемуарах (с. 732) и в примечании (с. 1011) Г.Э. Зенгер в указателе пропущен. Наконец, биографические примечания создавались без чёткого формуляра, в них приводится разный, довольно произвольный набор сведений и дат.

Нельзя не признать, что сама идея издания мемуаров Куломзина в одном томе является неудачной. И дело не только в том, что читать тяжёлую, напечатанную мелким шрифтом книгу неудобно. Разделив материал на два тома, публикаторы смогли бы более тщательно и без спешки выполнить свою работу. Жаль, что издание столь важного для исторической науки мемуарного памятника осуществлено без привлечения иллюстративного материала, который можно было бы извлечь, в частности, из личного фонда Куломзина в РГИА, где хранятся фотографии самого Анатолия Николаевича, его матери, жены, детей, родственников и коллег⁴¹. Читателю было бы полезно увидеть и изображения рукописей «Пережитого» из разных архивохранилищ, и т.д.

Итак, осуществлена первая полная публикация обширных мемуаров А.Н. Куломзина. В научный оборот введён важнейший исторический памятник, незаменимый источник сведений о государственных учреждениях и внутренней политике Российской империи за более чем сорок пореформенных лет.

⁴⁰ Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917. Материалы для биографий / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб., 2011.

⁴¹ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 568–574.

Публикаторами проделана *очень большая* работа по набору и комментированию текста, объём которого, по приблизительной оценке, должен составлять не менее 75 авторских листов. Но выполнена эта работа недостаточно квалифицированно. Выявленные грубые ошибки в передаче текста не позволяют использовать издание в научных целях. Научно-справочный аппарат книги также имеет существенные недостатки, но они вторичны на фоне удручающих текстологических промахов и несоблюдения археографических правил. Поэтому переиздание «Пережитого» представляется столь же необходимым, сколь и маловероятным в обозримом будущем.

Игорь Лукоянов: *Весьма полезное, но ещё не научное издание*

Igor Lukoyanov (Saint Petersburg Institute for History, Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg): Very useful, but not yet scientific edition

Мемуары А.Н. Куломзина давно известны исследователям. Его рукописи активно использовали ещё Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.Г. Чернуха. Ученик Б.В. Ананьича А.В. Ремнёв, работая в 1980-е гг. над кандидатской диссертацией, многое почерпнул у Куломзина⁴², опубликовал впоследствии первую в отечественной историографии его биографию⁴³ и обдумывал возможность полного издания «Пережитого». Но его, как и других историков, останавливала сложность и масштабность работы: большой объём рукописи и наличие нескольких редакций текста с обильной правкой. Эти трудности, однако, не смутили К.А. Соловьёва, взявшегося за подготовку книги.

Над своими воспоминаниями Куломзин работал не менее двух десятилетий. «Пережитое» в той или иной мере освещает весьма значительный период его биографии (более полувека) и круг проблем (от жизни помещиков перед освобождением крестьян в 1861 г. до заседаний Государственного совета в годы Первой русской революции). Обстоятельно и интересно описана молодость будущего сановника: учёба в Московском университете в 1850-е гг., пребывание в Германии и поездка по Европе. Характерна широта взглядов и интересов мемуариста, его стремление внимательно рассматривать и анализировать европейские порядки, подмечая их сильные и слабые стороны. Автор критичен по отношению к российской действительностью как в центре, так и на местах, однако чужд симпатий к оппозиционному, а тем более революционному или радикальному движению. Куломзин был удивительно осторожен: так, он побоялся, в частности, ввезти в Россию «Колокол», хотя многие его современники это делали (с. 133).

Большое значение имеет рассказ Анатолия Николаевича о своей службе в Государственной канцелярии и особенно — в канцелярии Комитета министров: других столь же обстоятельных свидетельств, позволяющих увидеть это учреждение «изнутри» в 1860–1870-е гг., просто нет. А с 1893 г. Куломзин являлся ещё и управляющим делами Комитета Сибирской дороги — структуры, координировавшей осуществление крупнейшей стройки Российской империи. Разумеется, журналы Комитета известны специалистам, однако из делопроизводственных

⁴² Ремнёв А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2010.

⁴³ Ремнёв А.В. Анатолий Николаевич Куломзин // Вопросы истории. 2009. № 8.

документов часто совершенно невозможно понять подлинные мотивы принимавшихся решений.

Не менее любопытно показана в «Пережитом» поездка Куломзина по Сибири и Забайкалью в середине 1890-х гг. Живые впечатления очевидца, передававшиеся в письмах жене, существенно дополняют его обстоятельный официальный отчёт, опубликованный сразу же после возвращения. Куломзин сообщает ценные сведения об организации переселения крестьян за Урал и возникавших при этом проблемах, о жизни бурят, строительстве железной дороги и её влиянии на положение местного населения, и т.д. Немало места в воспоминаниях уделено характеристике некоторых ведомств (например, Министерства государственных имуществ и Государственного контроля) и видных сановников — С.Ю. Витте, П.Л. Лобко, В.К. Плеве, Д.С. Сипягина, Т.И. Филиппова и др.

Во вступительной статье Соловьёв кратко (и совершенно недостаточно) описал работу мемуариста над рукописью, сосредоточившись преимущественно на её редактировании для печати (с. 16—17). Сам Куломзин пишет, что использовал «старый дневник» (с. 94), «извлечения из дневника, посылаемого жене» (с. 680)⁴⁴, иногда — письма жене, матери, Г.Г. Даниловичу (с. 638). Сохранились ли эти материалы? Судя по всему, лишь отчасти. Дневник мемуариста, кажется, утрачен, но в фонде Куломзина в РГИА несложно обнаружить его письма супруге за 1875 и 1895—1902 гг.⁴⁵ Большие пробелы в датах позволяют предположить, что они дошли до нас фрагментарно. Однако в нашем распоряжении осталась масса его писем к сыну Анатолию за 1886—1917 гг.⁴⁶, в совокупности это около 2270 листов, на которых отразились различные события эпохи и их оценки автором, далеко не всегда воспроизводившиеся в «Пережитом». К сожалению, в комментариях Соловьёва эпистолярное наследие Куломзина использовано минимально.

Трудность издания воспоминаний Куломзина связана прежде всего с их незавершённой и существованием разных редакций, хранящихся ныне в трёх архивах Москвы и Санкт-Петербурга (РГИА, ГА РФ, ОР РГБ). Соловьёв лишь бегло отметил это во вступительной статье (с. 16), хотя характеризовать их нужно было бы более подробно. В РГИА «Пережитое» занимает 42 единицы хранения⁴⁷. Опись фонда Куломзина составлялась в 1948 г. с известной небрежностью в заглавиях дел. В ней отмечены «черновик»⁴⁸, «черновая рукопись»⁴⁹, «рукопись»⁵⁰, «рукописные заметки»⁵¹, «черновая машинопись»⁵², «черновая машинопись второй вариант»⁵³, «машинопись»⁵⁴. При этом нередко в одной единице хранения объединены и рукописные, и машинописные записи. Уже это указывает как минимум на три варианта авторского текста (рукописный и два машинописных) неизвестной полноты

⁴⁴ Ссылки на дневник неоднократно встречаются в тексте (с. 240, 246, 249, 253, 314—316, 595 и далее).

⁴⁵ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 216—220. Ещё три письма за 1906 г. оказались в бумагах их сына Анатолия: ОПИ ГИМ, ф. 42, оп. 1, д. 32.

⁴⁶ ОПИ ГИМ, ф. 42, оп. 1, д. 2—3, 5—12, 12а; РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 684—685.

⁴⁷ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 172—213.

⁴⁸ Там же, д. 179.

⁴⁹ Там же, д. 173, 177, 182, 183, 192, 195 (первый вариант), 197, 198, 205—207, 209, 210.

⁵⁰ Там же, д. 185—188, 196.

⁵¹ Там же, д. 189.

⁵² Там же, д. 177, 178, 193, 194, 201, 204, 208, 211, 213.

⁵³ Там же, д. 176.

⁵⁴ Там же, д. 172, 174, 175, 177, 180, 181, 184—189, 192, 196, 199, 200, 202, 203.

и сохранности, нельзя исключать и наличия в отдельных случаях дополнительных редакций. А есть ещё фрагменты «Пережитого» в ОР РГБ...

К сожалению, как следует из вступительной статьи, Соловьёв, если и сопоставлял рукописи, то лишь частично. Он только перечислил отобранные для публикации 22 единицы хранения из РГИА (с. 16)⁵⁵. Никакого обоснования сделанной выборки составитель не даёт, при этом в примечаниях встречаются вставки из «черновика» (с. 421, 460) без каких-либо пояснений и указания на то, что это за «черновик» и из какой единицы хранения он взят. Характерно также, что при использовании 22 единиц хранения в книге нет к ним ни одной (!) отсылки, за исключением единственной сноски (с. 155), в которой отмечен лист без номера дела. Никак не объясняется во вступительной статье и исчезновение из книги третьей главы первой части — в оглавлении она просто пропущена, а в начале четвертой главы в сноске сказано, что «третья глава в рукописях воспоминаний отсутствует» (с. 69). Однако, согласно описям, она есть и в РГИА, и в ОР РГБ⁵⁶.

Остаётся непонятным: использовалась ли при подготовке публикации только одна авторская редакция (удалось ли её собрать?) или же делался свод из нескольких вариантов? Как следует из вступительной статьи, составитель сопоставлял текст из РГИА и «значительно менее полный» вариант, находящийся в ОР РГБ (помимо больших пробелов, он заканчивается главой 18, в которой речь идёт о возвращении Куломзина из-за границы в 1897–1898 гг.). При этом Соловьёв почему-то ссылается в том числе и на эту «краткую» версию «Пережитого» (с. 8, 9, 16). Означает ли это, что в каких-то фрагментах попавшие в РГБ «9 тетрадей машинописного текста с рукописной правкой автора» (с. 16) предпочтительнее? Особняком стоит лишь последняя часть «Пережитого», созданная уже в эмиграции и сохранившаяся в единственной рукописи⁵⁷. Несомненно, в издании, претендующем на научность, следовало выделить все редакции, «разложить» все единицы хранения с текстом воспоминаний по вариантам и охарактеризовать их по степени полноты и характеру авторской (?) редактуры, включая последовательность работы над ними. Ничего этого, к сожалению, сделано не было.

В приложении к «Пережитому» помещён отклик Куломзина на воспоминания Витте (с. 926–943). О его происхождении не сказано ни слова, но он не мог быть написан ранее 1922 г. и поэтому как бы примыкает к последней главе «Пережитого». Однако рассматривал ли сам Куломзин его как часть своих мемуаров — остаётся загадкой. Внешне этот манускрипт напоминает не слишком удачный перевод с иностранного языка: некоторые стилистические особенности, в частности не вполне грамотная передача названия Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (с. 934), едва ли могли принадлежать Анатолию Николаевичу. Хорошо бы точно установить, на каком именно языке был создан данный очерк и не публиковался ли он за границей?

⁵⁵ Впервые «правильный порядок дел», позволяющий восстановить целостность и последовательность мемуаров Куломзина, нарушенную в описи его фонда в РГИА, указал Д.Н. Шилов: *Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917. Биобиблиографический справочник*. СПб., 2001. С. 344. Соловьёв почему-то не упоминает об этом, хотя он публикует именно те единицы хранения, о которых писал ранее Шилов (д. 178, 204, 211, 213, 180, 181, 184–189, 192, 196, 199, 200, 202), и благодарит его за «бесценные советы по организации» порой весьма хаотичного текста воспоминаний (с. 17), не уточняя, правда, каким из них он последовал.

⁵⁶ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 175; ОР РГБ, ф. 178, к. 9803, д. 1–9.

⁵⁷ ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 727.

Число замечаний к передаче в книге авторского текста велико, но, с другой стороны, почему, собственно, от публикатора непременно требуется строгая «научность» издания? Прямо о таком характере публикации или о её подготовке в полном соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» 1990 г. в книге нет ни слова. Если же она выполнена в научно-популярном жанре (согласно номенклатуре, установленной теми же «Правилами»), то все недоумения отпадают сами собой, а задача публикатора в таком случае сводится не к максимально точной передаче особенностей и всех существенных разночтений разных редакций авторского текста, а скорее наоборот — к тому, чтобы сделать знакомство с незавершённой рукописью максимально удобным для читателя, сведя к минимуму необходимые пояснения. Именно такой представляется работа, проделанная Соловьёвым.

Этому, конечно, несколько противоречат «внешние» признаки «академичности» — наличие грифа, комментариев, текстологических замечаний. Грифов на «Пережитом» даже пять и каждый из них, казалось бы, свидетельствует о том, что перед изданием книга прошла научную экспертизу в соответствующей организации. Однако Росархив — управленческая структура, которая лишь координирует деятельность подведомственных учреждений, но не обсуждает их документальные публикации по существу. Федеральные архивы — РГАСПИ и РГИА — если верить размещённой на их сайтах информации о решениях учёных советов за последние годы, — мемуары Куломзина вообще не рассматривали. Участие РГАСПИ в данном случае выглядит даже странным. Российское историческое общество, согласно его уставу, не занимается подготовкой или экспертизой научных изданий, ограничиваясь учебными и учебно-методическими (ст. 5). Таким образом, четыре из пяти грифов поставлены без должного основания. Какие-либо сведения о деятельности Института общественной мысли обнаружить не удалось. Между тем показательно, что на «Пережитом» не оказалось грифа учреждения, в котором составитель является главным научным сотрудником — Института российской истории РАН.

Обилие текстологических замечаний на страницах «Пережитого», на первый взгляд, демонстрирует скрупулёзный учёт рукописной правки машинописного текста, взятого за основу при подготовке книги. Разумеется, там, где эти исправления носят смысловой характер, их совершенно необходимо указывать. Но как быть с многочисленными случаями мелкой редактуры, например, с перестановками слов или фраз местами в одном предложении? Смысл эти тщательно отмеченные изменения никак не меняют и, в сущности, излишни.

Комментарии Соловьёва к воспоминаниям Куломзина весьма внушительны по числу (1 228), но львиную долю среди них составляют справки об упомянутых мемуаристом лицах. Такое разделение именного указателя с биографическими сведениями вряд ли удобно для читателя: если ему надо что-то узнать о том или другом человеке, он вынужден сначала искать его в указателе, затем обратиться к странице на которой тот впервые встречается, чтобы там найти номер сноски, и уже по нему искать нужную справку. Следовательно вместо того, чтобы открыть книгу один раз, требуется сделать это трижды. Поскольку справки не имеют единого формуляра, сообщаемые в них данные отличаются значительным разнообразием. Непонятно, например, зачем довольно подробно говорится о Цезаре, Цицероне и других людях, упомянутых Куломзиным мимоходом. Кроме того, постоянно встречаются бессодержательные эпитеты — «военный деятель», «государственный деятель» и т.п. Принцип же отнесения человека к числу

«деятелей» неочевиден: так, большинство членов Государственного совета попали в «государственные деятели», но А.А. Арсеньев (с. 1015) почему-то такой чести не удостоился.

Сюжетные комментарии, как правило, кратки и слишком редки для столь сложного текста, в котором немало отсылок к не всегда точно названным документам, часто упоминаются различные административные структуры и т.д. Но есть исключения. Особенно выделяются две обстоятельные справки, по содержанию явно излишние для «Пережитого». В первом случае, комментируя отмену Юрьева дня, составитель попытался в нескольких строках изложить современную историографию данной проблемы (с. 968). Но ещё больше внимания уделено фразе Куломзина о Николае II, который после манифеста 17 октября, «как говорила молва... упрекал себя, что в будущем он не передаёт (так в книге. — *И.Л.*) своему наследнику право самодержавной власти в полном их (так в книге. — *И.Л.*) объёме» (с. 940). Вряд ли она вообще нуждается в комментариях. Однако Соловьёв привёл цитаты из мемуаров А.А. Поливанова и показаний И.Г. Щегловитова и Н.А. Маклакова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о тех случаях, когда император в 1909 и 1913 гг. «ставил вопрос об обращении Думы в законосовещательное собрание» (с. 1020—1021). Прямого отношения к тексту «Пережитого» эти 34(!) строки не имеют.

Между тем в книге много мест, которые действительно нуждались бы в комментировании, но не привлекли внимание составителя. Так, Куломзин несколько раз ссылается на свои статьи 1861 г. (с. 165, 218), которые следовало бы указать, приведя точные библиографические данные. Целесообразно было бы дать перекрёстные ссылки там, где Куломзин направляет читателя к другому месту своих мемуаров (с. 533, 534 и др.). Явно не хватает справок о важных для пореформенной России правительственных документах, упомянутых в «Пережитом», например, об известной программной записке М.Х. Рейтерна 1866 г. (с. 210), об обстоятельствах строительства Великой Сибирской железной дороги (темпах, сроках, технических условиях, финансировании), о таких структурах, как комиссия о децентрализации под председательством С.Ф. Платонова 1903 г., которой поручалось разгрузить центральные аппараты ведомств от непомерного бумагооборота (с. 293), и т.д.

Совершенно необходимы комментарии к фактическим ошибкам, допущенным мемуаристом явно непреднамеренно. Так, известный карточный выстрел по Иордани в 1905 г. отнесён к 1904 г. (с. 904—905). «Оранжевую книгу» (с. 907) на самом деле издал российский МИД, тогда как безобразовцы подготовили «малиновую книгу» (под этим названием она давно известна в историографии). Рескрипт А.Г. Булыгину 18 февраля 1905 г. (с. 912) не сообщал об учреждении Государственной думы. Н.Н. Кутлер никогда не состоял товарищем у Витте, а подготовленный Кутлером (в конце, а не в первой половине 1905 г.) проект решения земельного вопроса допускал лишь возможность отчуждения частновладельческих земель, а не делал его обязательным (с. 912—913). I Дума не одобряла правительственный законопроект о содержании земских учителей (с. 920—921). Тут, вероятно, автора подвела память: в 1903 г. Государственный совет принял решение увеличить содержание преподавателей средних школ (максимум надбавки составлял 360 руб.). И это — лишь небольшая часть ошибок и неточностей Куломзина, что заставляет весьма настороженно относиться к его свидетельствам, особенно в последней главе, написанной в преклонном возрасте, в эмиграции,

без личного архива. Однако составитель отметил лишь то, что Куломзин неверно указал начало заседаний II Думы — 1, а не 20 февраля 1907 г. (с. 925).

К сожалению, книга содержит громадное количество опечаток, их даже бесполезно считать. Ошибки заметны буквально везде и во всём: в правописании, в пропуске предлогов и отдельных слов, во встречающихся нередко бессмысленных фразах, в цифрах, в географических названиях и фамилиях, не говоря уже про разную в использовании прописных и строчных букв, неверную пунктуацию и т.д. Иногда на странице (особенно в последней главе) можно найти около десятка неточностей. В целом их характер заставляет предположить, что они возникли в результате программного распознавания машинописного текста и почему-то не были тщательно вычитаны, хотя громадность дефектов при таких операциях заранее известна. Однако за это ответственность несёт не только составитель, но и издательство «Политическая энциклопедия», отрядившее для работы с рукописью пять редакторов и корректора.

Тем не менее, за исключением числа опечаток, недостатки книги отнюдь не выглядят критическими, если не рассматривать её как научное издание. Всё же, как следует из вступительной статьи, какие-либо купюры в мемуарах не делались, существенной редакторской правке их не подвергали, поэтому для составления общего впечатления о «Пережитом» А.Н. Куломзина данным изданием вполне можно пользоваться. Требовательным же исследователям придётся пока по-прежнему обращаться к архивным делам с авторской рукописью, ожидая новой, собственно научной публикации, в которой будет учтён и большой труд, уже проделанный К.А. Соловьёвым.

Ольга Белоусова: Наследник либеральной бюрократии эпохи Великих реформ

Olga Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia): Heir to the liberal bureaucracy of the Great Reforms

А.Н. Куломзин прошёл долгий карьерный путь, начав его мировым посредником в 1861 г. (с. 167) и завершив на посту председателя Государственного совета (в 1915—1916 гг.). Его мемуары, как и любые другие, содержат изрядную долю субъективности, к которой неизбежно добавляется несовершенство человеческой памяти. Для историков они, несомненно, ценнейший источник, но интерпретация содержащихся в них сведений требует прежде всего выявления взглядов и мировоззренческих установок автора, определявших то, как им воспринимались и оценивались описываемые события прошлого.

Куломзин испытывал безусловный пиетет к Александру II (с. 275). Однако восторженное отношение к императору не мешало ему критически оценивать поступки самодержца. Как и большинство современников, он осуждал его связь с кн. Е.М. Юрьевской и даже придумывал предлоги, чтобы не появляться в Ливадии в те дни, когда монарх принимал представлявших вместе со своей морганатической супругой (с. 307—308). В «Пережитом» он вспоминает пересуды столичных извозчиков, видевших в гибели царя наказание за желание короновать новую жену (с. 314).

Вместе с тем мемуарист, сочувствовавший трансформации самодержавного строя в конституционную монархию «по манию царя», сожалел о том, что в январе 1865 г. Александр II не внял призыву московского губернского земского собрания созвать всероссийское представительство. Император тогда заявил, что

«готов подписать какую угодно конституцию», но только в том случае, если будет убеждён в полезности этого для России, теперь же такой шаг непременно приведёт к её распаду «на куски». Характерно, что Куломзину были совершенно чужды подобные опасения. «Так был пропущен ещё один случай эволюционным порядком разрешить жгучий для всей России вопрос!», — сетовал он в начале XX в. (с. 213–214).

В первое время после восшествия на престол Александра III Куломзин не терял надежды на конституционные преобразования. Её укрепляли слова, якобы сказанные вел. кн. Александром Александровичем вскоре после того, как он стал наследником престола: «Отец пользуется хорошим здоровьем, и он ещё долго проживёт, а когда наступит мой черёд, я дам им конституцию, и пусть делают, как хотят». Эта фраза, благодаря «одному из окружающих», оказалась «достоянием широкой публики» (с. 320). В конце марта 1881 г. Куломзин и в слухах о предстоящем назначении сенатора А.А. Половцова министром юстиции усматривал доброе предзнаменование, свидетельствующее о том, что молодой император «решается вступить на путь реформ, а не реакции». В этом Анатолий Николаевич видел «единственное спасение»: «Только решительные меры на благо народа и реформы в смысле расширения круга людей, престол окружающих, могут нас спасти от союза интеллигенции с анархистами» (с. 316).

К этому времени Куломзин уже являлся состоявшимся чиновником высокого уровня, хорошо представлявшим себе, как функционировали властные институты империи и какие проблемы мешали их работе. Узнав 6 марта 1881 г., что царь «хочет принимать доклады министров только в Совете, в присутствии всех министров», он с явным энтузиазмом утверждал: «Это было бы великолепное решение. Интригам был бы положен конец, и отпало бы большинство пустых дел, которыми министры утруждают Государя» (с. 315). Позднее Куломзин отмечал в «Пережитом», что сразу после воцарения Александр III прислушивался к мнению близких к его отцу сановников — гр. М.Т. Лорис-Меликова, гр. Д.А. Милютин и А.А. Абазы, и «даже обещал» им «вообще не принимать никаких решений, иначе как по обсуждении их в Совете министров» (с. 321).

Доверительные отношения, сложившиеся у Александра III ещё в бытность его наследником престола с кн. В.П. Мещерским и К.П. Победоносцевым, Куломзин считал «несчастьем России» (с. 328). Однако Анатолий Николаевич не склонен был преувеличивать их влияние и, похоже, допускал, что представители либеральной бюрократии во многом сами спровоцировали нового императора на кардинальное изменение внутривластного курса. Так, слухи о том, как у Е.Н. Нелидовой Абаза, гр. Лорис-Меликов и гр. Милютин «подняли бокалы за будущую конституцию», усиливали недоверие Александра III, постепенно поверившего в то, что их деятельность «может иметь последствием вынужденный переход к иному строю» (с. 328).

Во вступительной статье к «Пережитому» Соловьёв называет отношения между мемуаристом и председателем Комитета министров Н.Х. Бунге «практически товарищескими». Именно Куломзин после кончины Бунге нашёл в его бумагах рукопись «Загробных заметок» и способствовал их распространению (с. 9). В воспоминаниях он неоднократно цитирует и подробно пересказывает этот документ, явно созвучный его собственному умонастроению (с. 353–364).

Мировоззрение автора воспоминаний раскрывается и в тех характеристиках, которые он даёт Николаю II. Мемуарист не сомневался в том, что на формирование личности последнего императора существенно повлиял его воспитатель

генерал Г.Г. Данилович — «несомненно, умный малоросс, не лишённый дозы врождённой хитрости». При первом же знакомстве с Куломзиным Данилович устроил ему «допрос на тему “како веруешь” в смысле политическом» и «остался, очевидно, доволен», найдя в собеседнике «почитателя царя-освободителя и крепкого приверженца его реформ». Куломзин почувствовал в поведении генерала определённую «двойственность»: «он сочувствовал реформаторской деятельности Александра II, а между тем вынужден был вести воспитание в духе Александра III». Наследник престола, похоже, вольно или невольно перенимал и впитывал эту гибкость своего наставника. Регулярно встречаясь с Николаем II и до, и после вступления на престол, Куломзин замечал, что в его душе «глубоко сидит любовь к деду и страх перед отцом». И если Александр II, будучи человеком с «самостоятельным характером», после смерти Николая I сумел сбросить с себя «сковывавшие его цепи» «строного режима», то Николай II с присущими ему «нерешительностью, отсутствием своей воли», «обидчивостью, скрытностью, равнодушием и недостаточной искренностью», напротив, стал добровольно подчиняться власти окружавших его лиц. При этом он выбирал среди них преимущественно людей, «не одарённых от природы», так как опасался «попасть под влияние» тех, кого подозревали «в прогрессивных тенденциях». В то же время Николай прислушивался к наветам на своих приближённых, фактически вызывая и поощряя между ними интриги. Из него получился царь «неискренний, безвольный, как тростник, ветром колеблемый, постоянно искавший новых людей, рекомендуемых придворными интриганами, великими князьями, случайными собеседниками, при полном неумении лично разбираться в представляемых ему людях». Мемуарист с явным сочувствием приводит слова С.Ю. Витте, утверждавшего в феврале 1905 г., что из Николая II «мог бы выработаться хороший конституционный монарх, если бы не воспитание, в корне его испортившее» (с. 494—496, 502, 496).

Порою суждения автора «Пережитого» вызывают недоумение. Так, характеризуя члена Государственного совета В.В. Верховского, Куломзин пишет, что тот избегал «занятий обыденных, скучных», приходя «лишь на интересные заседания по важным или пикантным делам», в которых «всегда неизменно поддерживал мнения либеральные и всегда красноречиво громил представления, чуждые этого духа». Верховский «самым открытым образом» выражал неуважение к императору, публично называл императрицу «Марией-Антуанеттой XX века», «предсказывая, что она приведёт своим влиянием на мужа Россию к гибели». К Комитету Сибирской железной дороги Верховский также «неизменно относился с издевательством», иронизируя по поводу того, что на его заседаниях не возникает «достаточно продолжительных прений», когда же Куломзин призывал его проявить активность и «возбуждать разноречия», тот, как правило, «отмахивался», сводя разговор к «какой-нибудь насмешке». И после всего этого Анатолий Николаевич признавал Верховского «честным и, как показали события, дальновидным деятелем» (с. 672—673).

Но, пожалуй, ещё резче политические пристрастия Куломзина выразились в его оценке главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, в годы Первой мировой войны претендовавшего на роль фактического руководителя правительства и пользовавшегося авторитетом, доверием и симпатиями у деятелей Прогрессивного блока. По словам мемуариста, ещё в конце XIX в. на посту помощника главы Переселенческого управления МВД Кривошеин «проявил замечательный организаторский талант при не менее замечательном

умении выбирать себе энергичных, преданных делу сотрудников». «Глубоко при-
скорбно, — сетовал Куломзин, — то, что столь замечательный государственный
деятель был отстранён императором Николаем Александровичем от дела, вместо
призвания его к ещё более широкой сфере применения его выдающихся способ-
ностей» (с. 430—431).

В то же время, всячески поддерживая идею либерализации режима «свер-
ху», Анатолий Николаевич крайне настороженно воспринимал любые проявле-
ния «конституционных вожелений» в обществе, особенно — вдали от столицы.
Даже открытие провинциальных отделов Особого совещания о нуждах сельско-
хозяйственной промышленности представлялось ему в 1902 г. опасным. По его
мнению, власти сами «бессознательно подготавливали революцию», сначала пре-
доставляя фактически «полную свободу выражения тех или других убеждений»,
а затем преследуя проявления свободомыслия (с. 908). Когда МВД возглавил
кн. П.Д. Святополк-Мирский, Куломзин подарил ему отпечатанный экземпляр
«Загробных заметок» Бунге и «подробно изложил» их содержание (с. 534). Одна-
ко политика нового министра, который «принялся за дело без должной осторож-
ности», вскоре вызвала у мемуариста разочарование и критику (с. 909).

Идеалом же государственного деятеля, ведущего страну к чаемым переменам,
являлся для Куломзина Витте, который «несомненно желал повлиять на государя
в смысле перехода мирным путём от самодержавия к правопорядку и надеялся
достигнуть цели, когда его идеи найдут себе поддержку в общем отзыве обще-
ственных слоёв всего государства» (с. 908). Анатолий Николаевич не сомневал-
ся в том, что главное детище Витте — «конституция», возвещённая Манифестом
17 октября 1905 г., — была «дана вовремя», поскольку при Николае II среди «лиц,
получивших высшее образование», её скорое и неизбежное введение в России
«всегда подразумевалось само собой», и этот идеал «прочно водворился в умах
подрастающих поколений» (с. 940—941).

Политическая реальность, сложившаяся после введения в 1906 г. новой ре-
дакции Основных государственных законов, не вызвала у Куломзина особого
оптимизма. В I Думе преобладали кадеты, которые рвались к власти, не стра-
шась «возбуждения новых беспорядков». В реформированном Государственном
совете царила «глубокая рознь». И тем не менее мемуарист по-прежнему уповал
на таланты и рецепты Витте, который «пользовался в интеллигентных кругах
несомненным авторитетом и популярностью». Лишив его власти, император, по
мнению Куломзина, допустил «роковую ошибку» (с. 919).

***Андрей Мамонов: Пореформенная бюрократия в воспоминаниях
А.Н. Куломзина***

*Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
The post-reform bureaucracy in the memoirs of A.N. Kulomzin*

Анатолий Николаевич Куломзин — один из самых высокопоставленных
мемуаристов пореформенного времени, оставивший обширное и предельно
сложное по своему составу и содержанию наследие. «Пережитое» не произво-
дит впечатление законченного произведения: автор работал над воспоминани-
ями около 20 лет, обсуждал уже условия их публикации, однако окончательно-
го, «белового» списка, по-видимому, так и не было сделано, и исследователям
остались черновые редакции разных лет с обильной авторской правкой. Сам

Куломзин характеризовал свою объёмную рукопись (около 70 печатных листов) как «беглые, поневоле далеко не полные заметки» (с. 18). При этом текст получился неровный (одни сюжеты изложены подробно, другие — едва намечены, а то и вовсе пропущены или сокращены при редактировании) и неоднородный, включающий большие фрагменты, извлечённые из иных сочинений, например, из биографии Д.Н. Замятнина, изданной Куломзиным в 1914 г. (с. 219–227), или из «Загробных заметок» Н.Х. Бунге (с. 317–320, 327, 335–336, 353–366), анонимные сатирические стихотворения (с. 329, 366–368) и проч. К моменту отъезда в 1918 г. восьмидесятилетнего мемуариста сперва из Москвы, а затем и из России длительная кропотливая работа его явно утомила. Продолжать её за границей (при том что все документы и черновики остались в Петрограде) было ещё труднее. Память всё чаще подводила старика: в «Пережитом» не раз встречаются ошибочные датировки событий как рубежа 1870–1880-х гг., так и начала XX в. В итоге, доведя рассказ до начала 1907 г., он оборвал его буквально на полуслове, так и не описав пик своей карьеры — деятельность на посту председателя Государственного совета в 1915–1916 гг. и не осветив ту роль, которую довелось ему сыграть в политической борьбе, предшествовавшей крушению империи.

Издание подобного источника являлось столь трудоёмкой задачей, что сама готовность взяться за неё вызывает изумление и уважение. Тем более, когда основная работа ложится, по сути, на одного исследователя, от которого требуется не только солидная археографическая подготовка, но и близкое знакомство с реалиями петербургских дворцов и канцелярий второй половины XIX в., костромской глубинки, сибирских просторов и т.д.

Нужно учитывать и то, с какими рисками сопряжена публикация мемуарных памятников. В нашем обществе ощущается устойчивое недоверие к профессиональной историографии, чувствительной к идеологическим влияниям и легко приобретающей «марксистский», «либеральный», «патриотический» или совсем уже «вольно-исторический» оттенок. Следует ли удивляться тому, что значительная часть читателей больше доверяет пристрастной субъективности современников и очевидцев, чем «объективным данным», изложенным в рамках «политкорректности», как теперь принято называть былую «генеральную линию»?⁵⁸ К тому же воспоминания читать заведомо легче и увлекательнее, чем обстоятельные и потому неизбежно тяжеловесные монографии, для *работы* с которыми нужны известные навыки. Влияние мемуаристики на историческое самосознание широких слоёв общества весьма существенно, и это придаёт особое значение комментариям и научно-справочному аппарату изданий, позволяющим в какой-то мере корректировать публикуемые сведения и поддерживать репутацию исследовательского сообщества. Увы, это зачастую противоречит установкам издательств, повинующихся «руке рынка» и стремящихся удешевить и уменьшить прежде всего именно академическую составляющую своей продукции, отнюдь не повышающую продажи.

Между тем выход в свет тех или иных мемуаров и дневников, естественно, сразу же сокращает количество обращений к их автографам. Современный исследователь, как правило, действует в условиях дефицита ресурсов и времени и, за редчайшими исключениями, просто не имеет возможности проверить публикаторов (особенно если книга выходит под грифом архива, Академии наук или университета и со ссылкой на авторитетную экспертизу РГНФ). Яркий пример

⁵⁸ Об этом см. также: Колоницкий Б.И. Юбилейный год и историки революции // Российская история. 2018. № 1. С. 182.

тому — судьба дневников А.В. Богданович. Выпущенные в 1924 г. с большими сокращениями (как сообщалось «от издательства» Л.Д. Френкеля, «грандиозная рукопись автора в целом настолько загромождена сотнями страниц никому не нужного, чисто домашнего материала, что читателю может быть представлена лишь кратчайшая “эксцерпция” из всей тогдашней груды исписанной бумаги»⁵⁹), без соблюдения каких-либо правил, они были в 1990 г. воспроизведены массовым тиражом (только «дополнительный» составил 100 тыс. экземпляров) без дополнений, оговорок и комментариев; в новом предисловии, написанном ярко и публицистично, о купюрах уже не упоминалось⁶⁰. Эти издания «эксцерпции» 1920-х гг., доступные ныне в Сети, активно используются и цитируются и учащимися, и учёными уже около ста лет, тогда как ссылки на хранящийся в архиве подлинник почти не встречаются, а подготовка его полной научной публикации только начинается. Таким образом, последствия промахов и самоуверенности публикаторов могут ощущаться на протяжении нескольких поколений.

Если же говорить про «Пережитое», то все эти риски многократно усиливаются тем, что их автор, внимательный и осведомлённый сановник, обладал привычкой и вкусом к литературной работе, был склонен к широким обобщениям и резким, выразительным характеристикам людей и событий. Всё это практически обречено разлететься по книгам, статьям, популярным очеркам и учебникам. Ведь теперь с этими воспоминаниями столкнутся не только специалисты, ищущие в архивном деле материал для изучаемой темы и постоянно сопоставляющие данные разных источников, а все, кто интересуются историей пореформенной России.

Но насколько в действительности Куломзин был информирован и точен в изложении того, что знал? Если с начала 1880-х гг. до 1903 г. он находился в самом центре бюрократического аппарата империи, то в 1860—1870-е гг. степень его вовлечённости в правительственные дела была гораздо более скромной. С 1864 г. он служил в Государственной канцелярии, с 1868 г. — в канцелярии Комитета министров (сперва начальником отделения, а с 1875 г. — помощником управляющего делами), наконец в 1880 г. получил пост товарища министра государственных имуществ, который и занимал до 1883 г. При этом его положение в правящих кругах едва ли не в большей степени определялось тем, что с 1865 г. он являлся зятем Д.Н. Замятнина, в то время ещё министра юстиции, а с весны 1867 по 1881 г. — фактического руководителя Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. Большое значение имела также дружба Куломзина с Н.Н. Селифонтовым (с. 233), в 1863—1869 гг. служившим начальником отделения канцелярии Комитета министров (собственно по его рекомендации Анатолий Николаевич в неё и переместился), в 1869—1872 гг. — помощником управляющего делами, а в 1872—1880 и 1885—1889 гг. — товарищем министра путей сообщения. В принципе, его связи позволяли при желании хорошо ориентироваться в высших сферах. В какой же мере всё это отразилось в «Пережитом»?

В разделе «Перемена в Министерстве внутренних дел» Куломзин утверждал: «Как бы ни был угодлив Валуев, но он имел своё мнение по вопросам государственным и в особенности близко знакомого ему внутреннего управления, а Шувалову нужно было слепое, послушное орудие, которое он нашёл в лице Александра Егоровича Тимашева, человека умного, но уже совсем малообразованного, крайне легкомысленного и небрежно относившегося к делам своего министерства» (с. 231—232). Вероятно, мемуарист искренне полагал, что шеф

⁵⁹ Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 3.

⁶⁰ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 3—24.

жандармов гр. П.А. Шувалов не только инициировал отставку главы МВД, который «должен был оставить пост», но и подобрал ему преемника. Такое же мнение высказывали иногда и другие современники, а позднее (не исключено, что под влиянием того же Куломзина) и историки. Но ведь подобные действия неизбежно породили бы непримиримую вражду между сановниками, и без того ревниво относившимися друг к другу. Тем не менее, как известно (и признаётся в «Пережитом» (с. 232)), именно гр. Шувалов обеспечил назначение Валуева в 1872 г. министром государственных имуществ.

В своём дневнике Валуев писал, что сам просил об отставке из-за тяжёлой болезни глаз, конфликта с цесаревичем и его окружением и недовольства недостаточной поддержкой со стороны гр. Шувалова. Поэтому переговоры с императором он вёл в тайне от шефа жандармов — через гр. А.В. Адлерберга. И впоследствии Валуеву рассказывали «о злорадстве, которое Государь ощущал и высказывал, назначив министра внутренних дел без ведома Шувалова»⁶¹. Собственно такого эффекта Пётр Александрович, видимо, и ожидал. Уже летом 1881 г., в разговоре с А.А. Половцовым, «Шув[алов] пенял на Валуева, который тайком от него подал [в] отставку, обидясь тем, что Шувалов предложил ему послать в Архангельскую губ., где б[ыл] голод, гр. Бобринского, который громче всех кричал в П[етер]б[урге]. Валуев, видя в этом интригу Ш[увалова], отомстил назначением Тимашева м[инистро]м в[нутренних] д[ел]. Шувалов об этом ничего не знал и даже чуть не подал в отставку, обидевшись тем, что в тогдашнем его положении Государь не посоветовался с ним о столь важном выборе». «Затем, — жаловался граф, — публика всё взвалила на меня, и я оставался перед нею ответственным за глупости Тимашева»⁶². Помимо прочего, Тимашев был старше гр. Шувалова по службе и ранее являлся его непосредственным предшественником на посту управляющего III отделением Собственной е.и.в. канцелярии. Любопытно, что Валуев в марте 1868 г. вполне допускал наличие у гр. Шувалова желания «потопить ген[ерала] Тимашева и сесть на его место». Месяц спустя, размышляя о первых шагах своего преемника в МВД, Пётр Александрович предсказывал в дневнике: «Между гр. Шуваловым и им доброе согласие, уже теперь по преимуществу наружное, не удержится»⁶³.

Конечно, Куломзин не мог знать о секретных переговорах Валуева и сокровенных чувствах, выплёскивавшихся в дневниках и доверительных беседах. Но как придворный — а в 1870-е гг. Анатолий Николаевич получил звание камергера, а затем и гофмейстера (о чём в «Пережитом» не упоминается) — он едва ли оставался в неведении о том, что Тимашев и гр. Адлерберг женаты на троюродных сёстрах⁶⁴, а двоюродные братья гр. А.В. Адлерберг и гр. Э.Т. Баранов составляют влиятельную группировку, противостоявшую гр. Шувалову в ближайшем окружении императора и, в частности, соперничавшую с ним в железнодорожных делах, хорошо известных Куломзину. Во всяком случае, когда в 1871 г. начальник Управления железных дорог барон А.И. Дельвиг сетовал на шуваловские интриги, председатель Департамента экономии Государственного совета К.В. Чевкин «удивлялся», почему его собеседник «не действовал через другую приближённую к Государю партию гр. Адлерберга, гр. Баранова»⁶⁵. По мнению

⁶¹ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 248–267, 436.

⁶² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 19, л. 84.

⁶³ Дневник П.А. Валуева... С. 260, 267.

⁶⁴ Свойство не самое близкое, но отмечавшееся великосветскими памфлетистами: *Долгоруков П.Д.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1992. С. 196.

⁶⁵ *Дельвиг А.И.* Полвека русской жизни. М., 2014. С. 1004.

Чевкина, их влияния было достаточно, чтобы отстоять неугодного шефу жандармов министра. А связь с ними Тимашева была на виду, даже без выяснения обстоятельств его назначения. Однако Куломзин воспроизвёл в «Пережитом» именно те слухи и представления публики, о которых гр. Шувалов говорил Половцову. В комментариях всё это можно и нужно было бы изложить, но составитель предпочёл дать краткие справки об отце и бабушке Валуева и министре государственных имуществ А.А. Зелёном (с. 978–979).

Весьма характеристично, как мемуарист описывает известный эпизод с созданием в 1868 г. «Правительственного вестника» и преобразованием «Русского инвалида». Рассказ об этом помещён в раздел «Междуведомственные интриги» и включает пространный фрагмент из письма, отправленного Куломзиным матери в начале 1869 г. «с оказией». В нём попытка гр. Шувалова и Тимашева заменить ведомственные издания общим печатным органом прямо увязывалась со стремлением «низвергнуть военного министра Д.А. Милютину». Это, по-видимому, ни у кого в Петербурге не вызывало сомнений⁶⁶. Однако, по словам Куломзина, «в сущности, Милютин одержал верх»: ему «разрешено было продолжать издание “Русского инвалида”», который «переменил только формат и стал по чрезвычайной своей дешевизне ещё более доступен публике» (с. 238–239).

Между тем и сам Милютин, и близкие к нему тогда чиновники воспринимали случившееся как тяжелейшее поражение. Раньше в «Русском инвалиде», выходявшем при непосредственном руководстве главы военного ведомства, «нередко появлялись весьма серьёзные, капитальные статьи по нашим внутренним вопросам и внешней политике», а редакция стремилась «знакомить своих военных подписчиков со всем, что происходило в России, так, чтобы они могли, не выписывая другой газеты, узнавать всё, что совершалось в жизни русского народа, в его внутреннем развитии и в его сношениях с Европою». А после «переформатирования» это было сугубо специальное прибавление (три номера в неделю) к ежемесячному «Военному сборнику». «В моём личном участии в этом деле не было уже надобности», — констатировал Милютин⁶⁷. Для широкой публики сухой армейский официоз также не представлял особого интереса, несмотря на его «дешевизну».

Не случайно также одновременно с разгромом «Русского инвалида» гр. Шувалов и Тимашев, к тому времени закрывший славянофильские издания, добивались сокращения льгот, предоставленных «Московским ведомостям». В случае успеха это должно было подорвать или, по крайней мере, ослабить влияние «русской партии» на общественное мнение и облегчить намеченное смягчение политики в Польше и Западном крае. От Куломзина всё это, похоже, ускользало, хотя он и сетовал в своём письме на то, что «никогда ещё, кажется, государственные люди не плавали так мелко, как у нас теперь» (с. 329). Но читателям «Пережитого» следовало бы показать, о чём собственно столь резонёрски рассуждает мемуарист. Тем более что в данном случае можно опереться на существующую литературу⁶⁸. К сожалению, несмотря на то что к соответствующему абзацу «Пережитого» составителем сделано семь комментариев, ни один из них (!) не раскрывает подробностей данного дела и не сообщает о том, где о них можно узнать (с. 979–980).

⁶⁶ См., в частности: *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 327–328.

⁶⁷ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873 г. М., 2006. С. 95–101.

⁶⁸ *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати (60–70-е годы XIX века). Л., 1989. С. 93–96.

Ещё более показательно то, как в «Пережитом» изображено «Увольнение графа В.А. Бобринского», которому посвящён отдельный раздел. По словам Куломзина, в 1871 г. министр путей сообщения «гр. В.А. Бобринский должен был оставить свой пост» после того, как Совет министров единогласно отклонил выдвинутый им проект «улучшения в Волжском судоходстве», предоставлявший финансисту М.Г. Эпштейну «почти монопольные и во всяком случае преимущественные права на пользование главной артерией нашего хлебного транспорта» (с. 265–266). Дельвиг также отмечал, что «эта неудача поразила Бобринского», однако данное дело рассматривалось 19 марта, а окончательно уволен граф был только 2 сентября и совсем по другой причине.

Это была одна из самых громких и скандальных отставок того времени, причины и подробности которой открыто обсуждались в высшем обществе. Так, 28 июля 1871 г. П.П. Демидов, ссылаясь на товарища министра путей сообщения гр. А.П. Бобринского, рассказывал А.А. Половцову за обедом «любопытные вещи»: «В. Бобринский получил от Государя приказание отдать [концессию на] Севастопольскую [железную] дорогу Губонину, т.е. Мих. Долгорукову (брату княжны Е.М. Долгоруковой. — А.М.). Никакие возражения не б[ы]ли выслушаны. В. Бобринский написал письмо за границу Государю, сказав, что считает обязанностью исполнить это приказание, но за сим почитает себя обесчещенным и просит об увольнении»⁶⁹.

Точность этого сообщения подтверждает сохранившееся письмо гр. Бобринского к Александру II. Это одно из самых оригинальных прошений об отставке в истории Российской империи, и оно заслуживает того, чтобы привести его целиком: «Государь, согласно с распоряжениями, которые Ваше величество мне дали во время моей последней работы с Вами в вагоне Варшавской железной дороги, цены, предложенные Викерсгеймом, Ефимовичем и Губониным за две дороги — Ландваровскую и Севастопольскую, — были мною приняты без объяснения с ними, и концессии будут им предоставлены. Как Ваше величество сами изволите помнить, эта сделка состоялась совершенно вопреки моему серьёзному преобразованию в манере ведения подобных дел. Таким образом, мне ничего более не остаётся, Государь, как умолять Ваше величество изволить освободить меня от тех обязанностей, которые я исполняю, поскольку тем самым, из-за только что случившегося, я потерял всю нравственную силу, необходимую для того, чтобы привести к успешному окончанию дела моего министерства, — нравственную силу, без которой я буду парализован как в собственных глазах и перед публикой, так и перед моими служащими и перед теми, с кем приходится вести переговоры о крупных денежных интересах. Остаюсь, Государь, с глубочайшим уважением Вашего величества преданнейший и верноподданный граф Владимир Бобринский. Петербург. 5 июня 1871 г.»⁷⁰.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 8, л. 80.

⁷⁰ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2947, л. 1–2. Подлинник на французском языке: «Sire, Conformément aux ordres que Votre Majesté m'a donnés pendant mon dernier travail avec Elle en vagon sur le chemin de fer de Varsovie, — les prix offerts par Wehersheim—Jaffimovitch et Goubonine pour les deux chemins de Landvarovo et de Sévastopol ont été acceptés par moi sans discussion avec eux et les concessions leur seront accordées. Comme Votre Majesté voudra bien s'en rappeler, — cette operation a eu lieu complètement contrairement à ma conversion sérieuse sur la manière de traiter de semblables affaires. Aussi il ne me reste plus, Sire, qu'à supplier Votre Majesté de vouloir bien me libérer des fonctions que j'occupe, car par le fait même de ce qui vient de se passer, j'ai perdu toute la force morale nécessaire pour mener a bonne fin les affaires de mon ministère, — force morale sans laquelle je serai paralysé autant vis à vis de moi même et du public que vis à vis de mes employés et de ceux avec lesquels j'ai à traiter de graves interets d'argent. Je suis, Sire, avec le plus profond respect de Votre Majesté le tres dévoué et fidèle sujet Comte Vladimir Bobrinsky. Petersbourg. 5 Juin 1871».

Так разрастался скандал, начавшийся ещё весной 1871 г., когда в мае из-за того же приказания выдать концессии П.И. Губонину и Н.И. Ефимовичу покинул свой пост начальник Управления железных дорог Дельви́г — старожил инженерного ведомства⁷¹. Между тем все разговоры об отставках в МПС неизбежно касались как взяток, так и деталей интимной жизни монарха. Возможно, поэтому, по доходившим до Дельвига слухам, «Владимиру Бобринскому три раза предлагали взять назад просьбу об увольнении, но он не соглашался, отговариваясь болезнью, а между тем, несмотря на некоторое расстройство умственных способностей, он постоянно говорил, что он в подобном бесчестном правлении не хочет быть ни министром, и ничем»⁷². В итоге, как отметил в своих воспоминаниях Милютин, граф «вследствие постигшего его нервного расстройства должен был совсем оставить служебные занятия»⁷³.

Не зная об этой истории или забыть о ней Куломзин, друживший с Селифонтовым и глубоко погружённый в железнодорожные дела⁷⁴, просто не мог. Кроме того, о ней должны были напомнить «Мои воспоминания» А.И. Дельвига, вышедшие в 1912–1913 гг. (правда, с существенными цензурными сокращениями, касавшимися в том числе и причин его отставки)⁷⁵. Удивительно, но это издание Румянцевского музея, которое непременно должно было заинтересовать Анатолия Николаевича, в «Пережитом» не упоминается, в отличие от многих других публикаций, свидетельствующих о том, как чутко он следил за книжными и журнальными новинками. Да и о самом Дельвиге Куломзин пишет так редко (с. 251), что тот даже не попал в именной указатель (с. 1026), хотя в примечаниях о нём есть краткая биографическая справка (с. 981).

Но в какой-то мере Куломзин всё-таки проговаривается. Во всяком случае, в первом же предложении раздела «Увольнение графа В.А. Бобринского» сухо констатируется: «В течение 1871–1872 гг. были выданы некоторые концессии по правилам гр. В.А. Бобринского (sic! — *А.М.*), в т[ом] ч[исле] на Лазово-Севастопольскую (так в тексте, правильно — Лозово-Севастопольскую. — *А.М.*) дорогу, сданную Губонину за 53 295 руб. металлом, Раменскую (т.е. Ландварово-Роменскую. — *А.М.*) — фон Мекку за 39 675 руб. металлом» (с. 265). Возможно, это был робкий намёк на известные посвящённым последствия? Во всяком случае, подобные полунамёки, умолчания и ошибки требуют развёрнутых комментариев, которые составитель (или издатель?) почему-то счёл излишними. И это не только может ввести в заблуждение иного неподготовленного читателя, но и ступёвывает существенные особенности «Пережитого».

Избирательность памяти Куломзина заставляет обратить особое внимание на то, как он себя позиционирует в мемуарах. В начале XX в. у него была устойчивая репутация «левого» либерала и конституционалиста. Ей вполне соответствует образ автора, созданный в «Пережитом». Стать мировым посредником его «уговаривает» Я.А. Соловьёв (с. 165); впоследствии зять Замятнина, одного из «отцов» судебной реформы 1864 г., тесно сотрудничает почти со всеми корифеями

⁷¹ Дельви́г А.И. Полвека русской жизни. С. 994–1008.

⁷² Там же. С. 1020.

⁷³ Милютин Д.А. Воспоминания... С. 416.

⁷⁴ Помимо прочего, в 1902 г. к столетию Комитета министров под руководством Куломзина было подготовлено обстоятельное и до сих пор не утратившее своей научной ценности исследование: Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 1–4. СПб., 1902. В силу официального характера данного труда о скандале 1871 г. в нём, естественно, не упоминалось.

⁷⁵ Дельви́г А.И. Мои воспоминания. Т. IV. М., 1913. С. 279–313.

либеральной бюрократии второй половины XIX в. — А.П. Заблоцким-Десятовским (с. 206), Н.А. Милютиным (с. 217), М.С. Кахановым (с. 340–341), М.Х. Рейтерном (с. 347–348), Н.Х. Бунге, при случае доверительно беседует с А.В. Головинным (с. 286). С явным сочувствием мемуарист пишет про «реформы в Министерстве народного просвещения» 1863–1864 гг. (с. 207) и «финансовые реформы» Рейтерна (с. 208–211), про «незаменимого в военном деле» Д.А. Милютина (с. 239) и скромного министра юстиции Д.Н. Набокова, который «явился упорным и ярым защитником уставов Александра II от всяких на них посягательств, и в этом великая его историческая заслуга» (с. 228).

Напротив, характеризуя К.П. Победоносцева и гр. Д.А. Толстого, Куломзин использует одно и то же клише — «злой гений России» (с. 316, 339). Зачастую его критические выпады носят пристрастно-политический характер. Так, гр. Толстому мемуарист приписывал, в частности, «полное невнимание к просвещению низших классов, которое считалось излишним, ничтожность до смешного правительственных на это дело ассигнований, об увеличении которых никто не помышлял» (с. 242). Между тем даже такой антагонист гр. Толстого, как Головин, в январе 1880 г. признавал в своём официальном отзыве, что «неоспоримыми и весьма важными заслугами нынешнего Министерства народного просвещения являются учреждение значительного числа учительских семинарий, учреждение инспекторов начальных училищ и постоянное увеличение числа инспекторов и создание министерских одноклассных и двухклассных начальных народных училищ»⁷⁶.

Со своей стороны, Куломзин осуждал невнимание правительства к земским ходатайствам (с. 240–241, 269–271) и утверждал, что «начало царствования Александра III, когда ужасное царевубийство отрезвило наше общество, было наиболее удобным моментом для созидательной работы», не начавшейся исключительно по вине гр. Толстого, который «надеялся загипнотизировать, усыпить Россию на долгие годы» (с. 339) и надел на неё «настоящую хлороформенную шапку» (с. 281).

Тем удивительнее фрагмент рассказа о составленном в Министерстве государственных имуществ проекте «окружных сельскохозяйственных съездов» и оппозиции ему в Комитете министров, сохранившийся в одной из ранних редакций «Пережитого» и не вошедший в публикацию (хотя подобного рода разночтения принято обычно приводить в примечаниях). «Мы с князем Ливеном, — цитировал Куломзин свои записи поздней весны или лета 1880 г., — считаемся охранителями и опередили либералов. Но дело в том, что наши либералы (приходится убеждаться в этом) придерживаются более теории: чем хуже, тем лучше. Они желали, чтобы правительство действовало дурно и не обращалось бы к изучению потребностей страны; с этими поползновениями ещё много и долго придётся считаться»⁷⁷. Причём под «либералами» в данном случае подразумевались не только публицисты, предававшиеся «в печати вожделению конституционных учреждений», но и гр. М.Т. Лорис-Меликов, М.С. Каханов и их сторонники, которые и выступили против проекта «к сожалению, по личным причинам» (с. 281). Собственно их и старались «опередить» кн. А.А. Ливен и А.Н. Куломзин.

Действительно, стоит задуматься: так ли однозначна была позиция Куломзина в 1860–1870-е гг.? Тут уже совсем по-другому смотрится и его настойчивое желание продемонстрировать тестю свою независимость, и нежелание пользоваться

⁷⁶ ОР РНБ, ф. 208, д. 136, л. 17.

⁷⁷ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 189, л. 51.

его протекцией, и отказ, несмотря на денежные затруднения, *летом 1866 г.* перейти на службу в Собственную е.и.в. канцелярию по делам Царства Польского, которую тогда ещё возглавлял Н.А. Милютин (с. 216–218), и апология политики гр. А.П. Бобринского в книге Н.А. Кислинского и в «Пережитом» (с. 266–268). А ведь главным противником гр. Бобринского в 1873–1874 гг. выступал Рейтерн, благодаря которому Куломзин стал в 1883 г. управляющим делами Комитета министров. Всё это позволяет лучше понять ту симпатию, с которой Анатолий Николаевич писал о проектах, выдвигавшихся в 1872–1874 гг. гр. Шуваловым и Валуевым. В них ему виделась «новая попытка привлечения общественных слоёв к политической жизни» (с. 260–265), а выступление либеральных министров (Рейтерна и Д.А. Милютина) против шуваловских замыслов воспринималось как их «полное нежелание заняться делом, а не перепиской» (с. 277). Собственно и окружные сельскохозяйственные съезды в 1880 г. рассматривались Куломзиным как продолжение начатого в 1872 г. Валуевской комиссией (с. 281).

Строго говоря, ни «либералом», ни «охранителем» в 1860–1870-е гг. Куломзин не был или в какой-то мере являлся и тем, и другим одновременно, а свойственный ему «конституционализм» (вероятно, всё же ещё не столь радикально-деструктивный, как в начале XX в.) вовсе не определял его места в политической борьбе и спорах, происходивших в правительственных сферах. Он принадлежал к числу тех чиновников, которые долго лавировали между различными группировками, прежде чем примкнуть к какой-либо из них или так и остаться особняком. К ним можно отнести М.Н. Островского, Э.В. Фриша, И.Л. Горемыкина, В.К. Плеве и др. И если тот же Островский (в 1860–1870-е гг. — активный сотрудник В.А. Татаринова и А.А. Абазы) в 1880-е гг. присоединился к Победоносцеву и гр. Толстому, то Куломзин — к Рейтерну и Бунге.

В дальнейшем, по-видимому, именно тесная связь с Бунге, а затем и претензия на роль своего рода душеприказчика его идей (распространителя и интерпретатора «Загробных заметок») имели решающее значение в эволюции политических взглядов Куломзина. Не случайно фигура Николая Христиановича занимает столь видное место в «Пережитом» (это особенно заметно при сравнении страниц, посвящённых ему и Рейтерну).

Вместе с тем в своих мемуарах Куломзин выступает не только как популяризатор наследия Бунге, но и как человек, способствовавший возвышению будущего председателя Комитета министров. Как сообщает Анатолий Николаевич, именно по его рекомендации Каханов посоветовал гр. Лорис-Меликову назначить Бунге товарищем министра финансов С.А. Грейга («которого Лорис не терпел, который интриговал против Лориса и во всяком случае не был его партии и которого собирались устранить»). Остаётся только догадываться, насколько весома была такая рекомендация вскоре после размолвки из-за сельскохозяйственных съездов и к какой «партии» причислял себя тогда сам Куломзин. Однако, как сказано далее, «по инициативе Лорис-Меликова государь повелел Грейгу телеграфировать Бунге предложение о назначении его на пост товарища министра финансов, о чём было упомянуто в самой телеграмме. Из дневника гр. Валуева, опубликованного в январе 1907 г., видно, что ту же мысль подавал также и Дрентельн» (с. 290). Интересно, сколько читателей сразу догадаются о том, что последнее предложение попало в абзац по ошибке и относится не к назначению Бунге, а к следующему разделу «Пережитого» — «Отмена соляного налога»? Шеф

жандармов А.Р. Дрентельн действительно говорил об этом на заседании Комитета министров 12 февраля, о чём и упоминает Валуев⁷⁸.

Вероятно, подобных сбоев удалось бы избежать, если бы в комментарии к данному фрагменту содержались не краткие биографические сведения о Дрентельне (которые легче было бы отыскать в аннотированном указателе имён), а пояснения, касающиеся того, как Бунге стал товарищем министра, или споров об отмене акциза на соль. Досадно и то, что составитель примечаний почти не даёт отсылок к специальной литературе, тогда как многие сюжеты «Пережитого» были подробно рассмотрены в работах В.Г. Чернухи, В.Л. Степанова, А.В. Ремнёва, А.Ю. Полунова, Д.А. Андреева и др. Несомненно, обращение к ним помогло бы и составителю, и читателям. Более того, оно совершенно необходимо, поскольку «Пережитое» содержит огромное количество неточностей и ошибок.

Прежде всего это ошибки и неверные «догадки» самого Куломзина. Часто они настолько очевидны, что составитель в одних случаях их исправляет, а в других — нет. Так, в примечаниях приводится верная дата взрыва в Зимнем дворце, который в «Пережитом» отнесён к 5 апреля 1880 г., но тут же фамилия И.О. Молодцовского напечатана неточно (с. 283, 985). То, что покушение на Александра II под Москвой было совершено не зимой 1880/81 гг. (с. 313), а 19 ноября 1879 г. — не поясняется, как и то, что императрица Мария Александровна скончалась не в конце апреля (с. 283), а 22 мая 1880 г. Однако уточняются дата, авторство и формулировки знаменитого манифеста 29 апреля 1881 г., указанные мемуаристом (с. 329, 989).

Нередко ошибочными оказывались и предположения Анатолия Николаевича. Яркий пример тому — его рассуждения о собственном назначении товарищем министра государственных имуществ. Ему казалось, что этим он был обязан новому председателю Комитета министров Валуеву, который будто бы «уговорил» кн. Ливена, поскольку ожидал скорого повышения Каханова и желал видеть новым управляющим делами — Н.П. Мансурова. Но для того, чтобы строить такого рода расчёты, Валуев в конце 1879 г. должен был предугадать взрыв в Зимнем дворце, превращение гр. Лорис-Меликова в ключевую фигуру в правительстве, а Каханова — в его ближайшего помощника, отставку министра внутренних дел Л.С. Макова (которая и подтолкнула Мансурова покинуть МВД) и т.п. Так или иначе, никакого отношения к переменам в судьбе мемуариста Валуев, скорее всего, не имел. 7 января 1880 г. он записал в дневнике после обеда у императора со своим преемником на посту министра государственных имуществ: «Товарищем князя Ливена назначается Куломзин. Довольно хороший выбор, если педантизм и мелочность не помешают»⁷⁹. Кстати, во время работы над «Пережитым» эта запись была Куломзину известна. Точно так же и гр. Толстой возглавил в 1882 г. МВД вовсе не по «подсказке» М.Н. Каткова (с. 339), и проч.

Однако, помимо авторских, в книге немало иных ошибок и опечаток. В одном из разделов встречается эпитафия из «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» гр. А.К. Толстого с подписью «Гр. Л. Толстой» (с. 231). В примечаниях в данном случае указано, что «А.Н. Куломзин ошибается» (с. 978). Однако поверить в такую ошибку любителя сатирических стихов довольно трудно. Гораздо проще допустить, что машинистка, набиравшая текст по поручению свояченицы автора, плохо разбирала отнюдь не каллиграфический почерк Анатолия Николаевича и приняла «А.» за «Л.». Но в таком случае нельзя

⁷⁸ Граф П.А. Валуев. Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 63.

⁷⁹ Там же. С. 47.

исключать наличия и других неверных прочтений рукописи. Этим, в частности, может объясняться превращение в машинописи «Пережитого» фамилии управляющего государственными имуществами Уфимской и Оренбургской губерний Ивашинцева в «Ивашенкова» (с. 327), что, похоже, запутало даже составителя указателя и примечаний (с. 988, 1027).

Но и публикаторами текст вычитывался и сверялся небрежно. Некоторые опечатки звучат даже комично. Так, об осушении болот в Полесье сказано: «К концу управления графа Валуева было проведено в *посольстве* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — А.М.) 249 вёрст каналов и осушено 850 000 десятин» (с. 278). Другие ошибки не столь очевидны и более коварны. Если в машинописи император «говорил *не* по наущению Макова, *а* под влиянием идей Лориса»⁸⁰, то в книге — «по наущению Макова и под влиянием идей Лориса» (с. 289). В машинописи «если дело *не* состоится, то скорее буду доволен, чем недоволен»⁸¹, в книге «если дело состоится, то скорее буду доволен, чем недоволен» (с. 274). В машинописи автор стремится «*доказать объём* того вопиющего *зла*, которое принесло России управление графа Толстого и его достойного преемника И.Н. Дурново», в книге — «*показать пример* вопиющего *закона*, которое принесло России управление графа Толстого и его достойного преемника И.Н. Дурново». В машинописи «во *всяком* случае», в книге «во *втором* случае»; в машинописи «первый акт суда истории имел место в 1905–06 годах и окончательно разразился *этот* суд в 1917 году»⁸², в книге «первый *акт* истории имел место в 1905–1906 гг. и окончательно разразился в 1917 г.» (с. 294), и проч., и проч.

В целом, читатель «Пережитого» попадает на своего рода «минное поле». Избежать всех ошибок автора, машинистки, публикаторов и редакторов в этом издании можно, кажется, лишь обладая незаурядной интуицией и сверхъестественной прозорливостью. При этом было бы крайне опрометчиво и несправедливо упрекать за получившийся результат составителя. К.А. Соловьёв сделал, похоже, всё, что только мог совершить исследователь, взявшийся в одиночку за столь грандиозное предприятие, и даже более того. Но для качественной научно-критической публикации и источниковедческого изучения мемуарных памятников Российской империи, особенно столь сложных, как «Пережитое», в академических институтах и университетах давно уже пора создавать специальные центры и группы, способные поставить дело на тот уровень, на котором находится подготовка к печати древних рукописей. Тогда, вероятно, придёт пора и для переиздания «Пережитого».

Дмитрий Андреев: Правительственная политика рубежа XIX–XX вв. на страницах «Пережитого»

Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): Government policy of the turn of the 19th and 20th centuries on the pages of «Perezhitoye»

Воспоминания А.Н. Куломзина уже не один десяток лет непременно используются в работах, посвящённых внутренней политике Российской империи конца XIX — начала XX в. Обычно исследователи черпают в них сведения о

⁸⁰ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 189, л. 17, 69.

⁸¹ Там же, л. 2–3, 43.

⁸² Там же, л. 22, 75–76.

строительстве Сибирской железной дороги и проведении переселенческой политики. Эти сюжеты Куломзин излагает с аптекарской дотошностью, исключительно подробно и предельно объективно, хотя, конечно, любые мемуарные свидетельства нуждаются в верификации.

Описывая же события «большой политики», мемуарист, как правило, изображает их крупными мазками, зачастую не скрывая своих идеологических пристрастий. Поэтому его суждения и интерпретации нуждаются в самой тщательной проверке и критике.

Рассказывая о последних днях жизни Александра III, Куломзин сообщает о том, что незадолго до смерти, после того как врачи, «по его требованию», сообщили ему о приближающейся кончине, царь «провёл целую ночь в письменной работе», составив «политическое завещание» для своего наследника. Мемуарист допускал, что именно под влиянием этого документа Николай II впоследствии «претерпевал с великим трудом» находившихся рядом с тронном «людей талантливых и не реакционеров» (с. 502).

Но в других источниках это известие не получает подтверждения. Судя по дневнику тогда ещё цесаревича Николая Александровича, до начала октября состояние здоровья его отца не считалось опасным (28 сентября он даже ездил в Массандру, а это около 12 км от Ливадии), ни о каких консилиумах при этом не упоминалось⁸³. Врач Н.А. Вельяминов, в октябре 1894 г. вызванный в Ливадию и достаточно подробно описавший события, происходившие там, также не пишет ни о каких-либо «требованиях» царя, ни о том, что ему было сообщено о безнадёжности его положения. Правда, однажды Вельяминов оказался невольным свидетелем того, как «взволнованный» Александр III в своём кабинете разговаривал с цесаревичем, которому, «по-видимому, передавал какие-то дела и давал наставления на случай своей смерти»⁸⁴. Однако сам разговор он, похоже, не слышал (чем и объясняется сделанная им оговорка «по-видимому»). Между тем речь, скорее всего, шла об обычных документах, доставленных фельдъегерем. Так, цесаревич отмечал в дневнике, что 6 и 7 октября читал по поручению отца некие «бумаги», относившиеся, судя по всему, именно к текущему делопроизводству⁸⁵.

Удивительно, но мемуарист, являвшийся управляющим делами Комитета Сибирской железной дороги и регулярно встречавшийся с Николаем II, ещё тогда, когда тот был наследником престола, не оставил описания каких-либо конкретных бесед и аудиенций. В «Пережитом» о последнем русском императоре, как правило, говорится в предельно общих выражениях, почти не отличающихся от расхожих представлений. Например, описывая свои первые впечатления от знакомства с цесаревичем, Куломзин «нашёл его характер далеко ещё не сформированным»: «Он представлял собой человека внешне воспитанного, с хорошим общим образованием, но заметным отсутствием сведений о русской административной машине. Он легко схватывал предмет доклада, иногда достаточно сложный, охотно как человек способный вникал в суть дела, обладал трудолюбием, образования был выше обычного уровня членов императорской фамилии... писал без орфографических ошибок, но вдумчивости, дара анализа он был природой лишён». При этом «у него была хорошая память на внешние явления, но докладываемые ему доводы к тому или другому решению и объяснения того

⁸³ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 116–118.

⁸⁴ Вельяминов Н.А. Встречи и знакомства // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 298.

⁸⁵ Дневники императора Николая II... С. 119.

или другого явления государственной жизни не оставляли в нём прочного следа, а скользили по нему». Тем не менее работой Сибирского комитета вел. кн. Николай Александрович «живо интересовался» и в возникавших на заседаниях спорах «разбирался довольно легко, конечно, всегда с посторонней помощью» (с. 495–496).

Став императором, Николай II, по наблюдениям Куломзина, в общении «с глазу на глаз» отступал перед министром, «сумевшим нахрапом ему импонировать». Причём это случалось даже тогда, когда царь имел дело с тем, к кому испытывал антипатию, как, например, к В.К. Плеве. Но «наряду с этим росла привычка прислушиваться к наветам на своих министров», а «поверхностное отношение», проявляемое им к их докладам, «не давало прочного убеждения в правильности решения, принятого под влиянием доверенного докладчика». Порою монарх провоцировал «разноречие» между советниками и вызывал «возражения против доводов», с которыми прежде выражал согласие. Когда же «интриги против того или другого власть имеющего лица начинали чрезмерно нервировать», Николай II, «не давая себе отчёта в последствиях своего решения, внезапно сбрасывал одно иго и заменял его другим». Поэтому «никто не мог положиться на его слова». В начале 1905 г. председатель Комитета министров С.Ю. Витте жаловался Анатолию Николаевичу на царя: «С ним никогда нельзя знать, что он вздумает предпринять на следующий день» (с. 496).

В целом, в воспоминаниях Куломзина немало подобных откровенно тенденциозных суждений и слухов, лишь частично соответствовавших действительности. Так, он ошибочно утверждает, что в подготовке текста известного выступления Николая II перед депутациями дворянства и земства в Зимнем дворце 17 января 1895 г. помимо обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, будто бы «осторожно оставшегося в тени», участвовали министр внутренних дел И.Н. Дурново и министр императорского двора и уделов гр. И.И. Воронцов-Дашков (с. 502–503). Между тем данная речь была составлена одним Победоносцевым и являлась важным элементом его интриги против Дурново⁸⁶.

Совершенно неверно представлена в «Пережитом» борьба за пост министра путей сообщения в самом начале царствования Николая II. После громкой отставки в декабре 1894 г. А.К. Кривошеина Анатолий Николаевич сам надеялся стать его преемником, полагая, что шансы на это «были очень велики». Дурново рассказывал, будто соответствующий указ «лежит на столе у государя», а то и вовсе «уже подписан». Однако министр финансов Витте, желавший видеть в железнодорожном ведомстве покладистого и близкого к себе руководителя, а не человека, известного своей самостоятельностью, убедил императора в том, что «Куломзин хороший докладчик, человек кабинетный, но это не министр, у него нет распорядительности», и «он не может вести большого практического дела». Это якобы и предопределило назначение кн. М.И. Хилкова, имевшего обширные познания и богатый практический опыт в железнодорожном деле (с. 510–511). На самом деле ситуация развивалась иначе. Кандидатура Куломзина действительно рассматривалась, но вовсе не в качестве наиболее вероятной. Поначалу ожидалось, что МПС возглавит председатель Комиссии по развитию в России судоходства и торговли и глава Императорского Русского технического общества М.И. Кази. Витте безуспешно пытался провести на освободившуюся

⁸⁶ См.: Андреев Д.А. Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2(20). С. 36–44.

должность товарища министра финансов А.П. Ивашенкова. В итоге выбор пал на кн. Хилкова, за которого ходатайствовала вдовствующая императрица Мария Фёдоровна⁸⁷.

«Пережитое» — один из основных источников, сообщающих о предпринятой в первые месяцы царствования Николая II попытке реорганизации комитетов грамотности, на основе которых предполагалось затем создать Российское общество ревнителей просвещения народа. Куломзин, будучи тогда управляющим делами Комитета министров, по просьбе его председателя Н.Х. Бунге возглавил межведомственную комиссию, которая готовила устав этого общества. Правда, в воспоминаниях данный «печальный эпизод» представлен как спор «по поводу» преобразования и расширения полномочий Санкт-Петербургского комитета грамотности. Тем не менее дело получило большой резонанс. Бунге и Куломзина обвиняли в стремлении устроить «особое ведомство», а то и вовсе «выхватить из рук правительства народную школу». «Словом, — иронично писал Анатолий Николаевич, — мы оказывались революционерами, готовыми ниспровергнуть устои государства». Вместе с тем из его рассказа видно, что встреченное противодействие объяснялось вовсе не опасениями, связанными с политической неблагонадежностью членов комитетов. Высокопоставленных чиновников гораздо больше беспокоила возможность возникновения новой самостоятельной структуры под начальством вел. кн. Константина Константиновича и неизбежное в этом случае перераспределение сфер деятельности нескольких министерств (с. 504—507)⁸⁸.

Довольно кратко Куломзин освещает «курьёзный проект» реформирования Канцелярии е.и.в. по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых, разработанный в 1898 г. её главноуправляющим Д.С. Сипягиным. Мемуарист видел в данной затее «образец... узаконенного произвола»: император получал возможность пересматривать по докладу главноуправляющего любое судебное решение по гражданским делам, если проигравшая сторона подавала ему соответствующую жалобу. По мысли Сипягина, это означало бы торжество «высшей справедливости», и хотя «все без исключения ведомства» отреагировали на его предложения «злейшей критикой», он отказался от них только после заявления Победоносцева о том, что в случае одобрения такого проекта Россия не будет уже «государством, управляемым на основании законов», и её «придётся приравнять к Турции и другим азиатским деспотиям». Причём признанием допущенной ошибки Сипягин произвёл на Николая II столь сильное впечатление, что вскоре получил пост министра внутренних дел (с. 787). Между тем, как отмечал в своём исследовании А.В. Ремнёв, планы главноуправляющего были гораздо серьёзнее: он желал превратить Канцелярию в «контролирующий орган», стоящий «над всеми центральными и высшими учреждениями» и имеющий право «по ходатайству любого человека» пересматривать принятые ими решения⁸⁹. Удивительно, что управляющий делами Комитета министров о планах столь фундаментальной трансформации механизма принятия правительственных решений (если, конечно, они действительно имелись) вовсе не упоминает.

⁸⁷ См.: *Андреев Д.А.* Первое министерское назначение Николая II: история принятия решения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 5—11.

⁸⁸ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Борьба ревнителей: просветительские альтернативы в начале царствования Николая II // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 1(44). С. 64.

⁸⁹ *Ремнёв А.В.* Самодержавное правительство... С. 411.

Весьма любопытен рассказ Куломзина об увольнении Витте с поста министра финансов и назначении его 15 августа 1903 г. председателем Комитета министров. Мемуарист описывает это событие со слов некоего неназванного лица, в свою очередь, узнавшего о случившемся от гр. Д.М. Сольского (на тот момент — председателя Департамента государственной экономии Государственного совета), к которому Витте приехал «прямо из Петергофа» (с. 883–884). Характерно, что в некоторых деталях версия, изложенная в «Пережитом», заметно отличается и от записанной Л.А. Тихомировым со слов В.А. Грингмута, слышавшего о подробностях дела от кн. В.П. Мещерского, который будто бы первым встретил Витте на Царскосельском вокзале сразу же после аудиенции, и от сохранившейся в мемуарах самого Сергея Юльевича⁹⁰.

Обстоятельства «июльского кризиса» 1906 г. Куломзин, отсутствовавший тогда в Петербурге, описал со слов «вполне достоверного лица». По его сведениям, председатель Совета министров И.Л. Горемыкин 8 июля убедил Николая II распустить Думу, распорядился, чтобы на следующий же день «Правительственный вестник» сообщил об этом решении, отправился домой и строго-настрого запретил себя будить — даже если привезут пакет от императора. Тем временем царь под влиянием министра внутренних дел П.А. Столыпина, считавшего, что с думцами ещё «вполне возможно работать», переменял решение, предписал Горемыкину не объявлять о роспуске и назначил Петра Аркадьевича главой правительства, которое предполагалось составить «отчасти из общественных деятелей». Тот приказал напечатать в «Правительственном вестнике» о своём назначении, но «не поинтересовался», не ожидается ли публикация других царских повелений. Горемыкин же, прервавший до утра все свои контакты с внешним миром, получил присланное ему предписание уже после того, как в газете одновременно появились манифест о роспуске Думы и рескрипт новому председателю Совета министров (с. 923).

В.И. Гурко, в 1906 г. состоявший товарищем министра внутренних дел, вспоминал об этом несколько иначе. В частности, он отмечал, что Горемыкин принял решение закрыться в своём доме до утра 9 июля после разговора с дворцовым комендантом Д.Ф. Треповым, который с негодованием встретил известие о готовности Николая II распустить Думу. Иван Логгинович понял, что на царя будет оказано давление. Однако Гурко не упоминает об участии в этом Столыпина, который был согласен с Треповым, но, узнав о подписанном манифесте, что-то изменить «уже не мог или, вернее, не решился даже пытаться этого достигнуть»⁹¹.

Разумеется, не стоит воспринимать и цитировать «Пережитое» как априорно достоверный источник, содержащий исключительно истинные сведения. Вряд ли можно согласиться с А.В. Ремнёвым, полагавшим, что «это не просто описание наблюдаемых ... деятелей и событий, но и серьёзная попытка их анализа»⁹². Во всяком случае, некритическое отношение к воспоминаниям Куломзина недопустимо. Напротив, их сведения требуют зачастую самых подробных

⁹⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 242–244; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб., 2003. С. 614–615. Подробнее об этих разночтениях см.: Российская история. 2011. № 3. С. 188; *Андреев Д.А.* Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2. Ч. 1. С. 208–215.

⁹¹ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 570–571, 573.

⁹² *Ремнёв А.В.* Анатолий Николаевич Куломзин. С. 41.

комментариев. К сожалению, при издании данного текста задача его критического изучения, по-видимому, даже не ставилась.

Андрей Минаков: Рефлексирующий чиновник Российской империи

Andrey Minakov (Moscow State Pedagogical University, Russia): Reflecting on the memoirs of an official of the Russian Empire

А.Н. Куломзин давно известен историкам как автор обширных воспоминаний, страницы которых ярко отражают метаморфозы, происходившие в пореформенной России. Калейдоскоп событий, десятки исторических персоналий, размышления о глобальных имперских проблемах и примечательные детали бюрократического закулисья — всё это предстаёт перед читателем «Пережитого». Длительное время знакомство с текстом мемуаров оставалось уделом посетителей столичных архивов. Возможность его публикации обсуждалась многие годы и, несомненно, долгожданный выход обсуждаемого издания сулит новые открытия.

Многие читатели, наверное, удивятся тому, что большая часть столь объёмной книги посвящена одной теме — строительству Сибирской железной дороги, в котором Куломзин длительное время принимал непосредственное участие, не только управляя делами находившегося в Петербурге Комитета, но и неоднократно лично посещая разные районы Сибири. Книга содержит множество данных о расходах, составе рабочих, значении новой магистрали для развития отечественной промышленности и усиления российского присутствия в Сибири и на Дальнем Востоке.

Годы службы Куломзина в Комитете министров совпали с оживлением переселенческой политики самодержавия, стремившегося не только решить земельный вопрос в Европейской части страны, но и создать социальную и экономическую опору на восточных окраинах. Как прозорливо считал Анатолий Николаевич, лишь квалифицированные рабочие руки могли гарантировать твёрдые позиции России в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях обострения отношений с Японией, значительно увеличившей свою активность в регионе. Это требовало скорейшего завершения строительства Сибирского пути и создания соответствующей инфраструктуры. Между тем мемуарист с сожалением отмечал, что правительство допустило стратегический просчёт в темпах, объёмах и качестве работ. Да и прокладка КВЖД через территорию Китая, по его мнению, таила опасность (с. 653).

Куломзин прекрасно ориентировался в хитросплетениях самодержавной системы управления и мог компетентно рассуждать о глобальных аспектах внутренней и внешней политики империи. Вместе с тем он был убеждён в том, что в стремительно менявшейся обстановке административная машина нуждается в серьёзной модернизации. Мемуарист начал карьеру на заре Великих реформ, которые, очевидно, сильно отразились на его характере и взглядах. Он, в частности, не сомневался в необходимости децентрализации управления и привлечения к нему общественных сил, сведущих людей и т.п. (с. 292, 921).

Особую тревогу у Куломзина вызывала чрезмерная самостоятельность отдельных ведомств. Эффективная государственная деятельность казалась ему невозможной без устранения «самодержавия» министров (с. 460). Объединению и координации деятельности разных ведомств должна была способствовать работа

с ежегодными губернаторскими отчётами, включавшая исполнение царских резолюций на них. Занимая пост управляющего делами Комитета министров, Куломзин инициировал издание Свода Высочайших резолюций на отчётах⁹³. Для членов правительства начали изготавливать типографские экземпляры отчётов с указанием царских пометок и составлять справки о вопросах, вызвавших резолюцию императора. Куломзин мечтал превратить губернаторские отчёты в подобие универсальных справочников по самому широкому кругу проблем местной жизни. Для этого в 1886 г. он предложил изменить их формуляр⁹⁴. Неудивительно, что в «Пережитом» встречается немало примеров практической работы с отчётами (анализ отдельных предложений, действий правительства по исполнению царских резолюций, их трансформации в политические решения). Впрочем, Куломзин вынужден был констатировать, что ни Александр III, ни Николай II так и не смогли в полной мере использовать потенциал данных документов (с. 240, 770, 811).

Большую ценность «Пережитому» придаёт наличие ярких портретных характеристик Н.Х. Бунге, И.Н. Дурново, И.Л. Горемыкина, И.П. Шипова, Т.И. Филиппова, Д.С. Сипягина и особенно — двух антиподов русской бюрократии рубежа XIX—XX вв. — С.Ю. Витте и В.К. Плеве, в противоборстве которых шёл трудный поиск пределов уступок самодержавия и возможностей его взаимодействия с общественными силами (с. 908—909).

Значительное место в мемуарах занимает фигура последнего российского императора. Куломзин критично оценивал его политику и способность руководить огромной державой (с. 495, 678—679). По мнению Анатолия Николаевича, Николай II «обладал унаследованным от матери талантом очаровывать своим обхождением лиц, к нему приближающихся, но в то же время были налицо развившиеся впоследствии отрицательные черты: обидчивость, скрытность, равнодушие и недостаточная искренность» (с. 496). Кроме того, сказывалась его податливость к чужим идеям и внушениям. В целом, это был «человек неискренний, безвольный, как тростник, ветром колеблемый, постоянно искавший новых людей, рекомендуемых придворными интриганами, великими князьями, случайными собеседниками, при полном неумении лично разбираться в представляемых ему людях» (с. 502).

Как известно, существует три комплекса рукописей воспоминаний Куломзина: самый большой и менее упорядоченный — в РГИА и отдельные варианты и части текста — в ОР РГБ и ГА РФ. Однако какой текст был взят за основу при публикации, в предисловии прямо не сказано. Наличие разных вариантов, тем более доступных, обязательно предполагает их сопоставление. Но составитель не сообщает, происходила ли сверка, каков объём и характер выявленных разночтений и т.д.

При этом в тексте содержится огромное количество фактической информации (множество цифр, географических названий, дат, подробно изложенных разговоров и т.п.), которая едва ли воспроизводилась по памяти. Вероятно, работая над мемуарами, Куломзин использовал разнообразные вспомогательные материалы, но в предисловии о них не упоминается. Между тем некоторые из них нетрудно выявить при чтении «Пережитого». Так, можно с уверенностью

⁹³ Свод Высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1881—1891 гг. генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. [СПб.], 1893. Издавались также объединённые своды за 1882—1889 и 1891—1892 гг., с 1893 г. они публиковались ежегодно.

⁹⁴ РГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 865, л. 39—40 об.

утверждать, что Куломзин на протяжении жизни делал какие-то дневниковые записи (во всяком случае, с 18 марта 1869 г. (с. 240)), которыми, несомненно, впоследствии пользовался. Об этом свидетельствуют многочисленные указания (например, «продолжаю выписки из моего дневника» (с. 249)) и цитаты (с. 253, 322 и др.). Особенно обильны они в главах о поездке в 1896 г. на Всероссийскую промышленную выставку в Нижний Новгород и о дальнейшем путешествии по Западной Сибири. «В дороге, — сообщает автор, — я писал дневник и отсылал его жене в виде писем, который и привожу здесь» (с. 595). Фрагменты писем жене (с. 601, 610, 631 и др.), матери (с. 327 и др.), кн. А.А. Ливену (с. 286–287), Г.Г. Даниловичу (с. 599–600, 607–610) и И.П. Корнилову (с. 128–130) также включались в «Пережитое». Цифры, по-видимому, заимствовались из делопроизводственной документации. В частности, Куломзин упоминает, что в его распоряжении был полный комплект журналов Комитета Сибирской железной дороги (с. 399, 405, 925). Кроме того, Куломзин часто цитирует «Загробные заметки» Бунге (с. 317–320), ссылаясь на опубликованную в 1907 г. часть дневника П.А. Валуева, а также на мемуары Витте, рассмотренные в помещённом в приложении очерке «Значение графа Витте» (с. 926–943). Производилась ли попытка проверить и дополнить эти данные по другим источникам, как то требуется при научной подготовке публикации, неизвестно.

Принципиально важно установить, когда именно писались мемуары чиновника столь высокого ранга. Это позволяет определить уровень информированности автора и отчасти объясняет степень его откровенности, личные симпатии и антипатии. В предисловии, видимо, на основе исследования А.В. Ремнёва, вскользь сообщается о трёх этапах работы над текстом: 1903 г. (большая часть рукописи), 1916–1917 гг. (правка) и в эмиграции — текст о событиях 1903–1906 гг. Однако в начале главы «Мои поездки по Сибири. 1896 год» её написание (или редактирование) отнесено мемуаристом к ноябрю 1918 г. (с. 652). Куломзин тогда уже находился за границей. Следовательно, в эмиграции появились не только страницы, посвящённые 1903–1906 гг. Вставляя раздел о Н.Н. Селифонтове, автор отмечает: «За настоящие воспоминания я серьёзно принялся после его кончины, а именно в 1900–1902 гг.» (с. 718). Таким образом, какой-то текст существовал уже до 1903 г. и затем дополнялся. В заключительной же части последняя правка была сделана, очевидно, не ранее 1920 г. (с. 925).

Таким образом, как на самом деле выглядит рукопись мемуаров, чем конкретно отличаются её варианты, когда и как она создавалась, остаётся до конца не выясненным. Видимо, по этой причине в издании отсутствует и археографическая легенда.

Публикация воспоминаний Куломзина заведомо предполагала большую работу над научно-справочным аппаратом. В книге имеются примечания по тексту (авторские вставки, изъятия и примечания, перевод иноязычных слов и фраз) и по содержанию (преимущественно биографические справки об упоминаемых лицах, существенно реже — пояснения географических названий, отдельных исторических событий и терминов) а также неаннотированный именной указатель. В то же время из предисловия не ясно, проводилась ли оценка достоверности сведений, сообщаемых мемуаристом. Там лишь отмечено, что он был «весьма информированным и наблюдательным современником описываемых событий», «стремился быть максимально точным» и «приводит довольно многочисленные выдержки из документов» (с. 17). Тем самым, составитель, по сути, предлагает безусловно верить всему, вошедшему в «Пережитое». Кроме того, непонятно, какие архивные материалы, опубликованные документы и научные исследования

привлекал составитель для того или иного комментария. Среди более чем тысячи примечаний по содержанию буквально единицы снабжены ссылками на источники.

В целом научно-справочный аппарат книги не отличается строгостью, точностью и полнотой. Прежде всего, в нём отсутствует единообразие. Биографические справки не соразмерны — иногда развёрнуты (к примеру, о А.А. Бобринском, Н.Н. Кутлере, Н.А. Хомякове, С.И. Шидловском и др.), в других случаях — кратки и почти отрывочны (о Н.А. Манасеине, Э.Д. Плеске, Н.М. Пржевальском, Иоанне Кронштадском и др.). Комментарий о единожды упомянутом профессоре Московского университета П.Г. Редкине (с которым Куломзин даже не был знаком) более чем вдвое превышает сведения, приведённые о Витте или Плеве. Справки об общеизвестных фигурах также разнообразны. Если о Юлии Цезаре дан целый биографический очерк (с. 947–948), то о гр. Л.Н. Толстом сказано лишь, что он «писатель» (с. 992). В ряде случаев составитель сообщает только чин или имя и отчество того или иного деятеля.

Во многих случаях в примечаниях отсутствуют сведения, необходимые для раскрытия содержания текста, или дополнительные данные о событиях и лицах. Некоторые из них дублируют информацию «Пережитого» (с. 964, 967 и др.), другие звучат несколько архаично, например, «протоиерей церкви» вместо «клирик храма» (с. 967), «член съезда» вместо «делегат съезда» (с. 985). Встречаются и отдельные неточности. Так, у Г.И. Невельского указан лишь его чин контр-адмирала, в то время как он с 1874 г. являлся полным адмиралом (с. 970).

К сожалению, исправлены далеко не все явные ошибки или описки автора. Например, Куломзин считал, что озеро Байкал (31 722 кв. км) равно по площади Адриатическому морю (144 тыс. кв. км) (с. 550). Малоархангельский уезд Орловской губ. неверно назван «Ново-Архангельским» (с. 610). И.Н. Быховец упомянут как зять Витте, в то время как он был ему свояком — мужем сестры его второй жены (с. 520). При этом Куломзин далее сам поправил себя (с. 561 и 655). Многие устаревшие, малоупотребительные и специальные понятия («ферула», «куртаг», «швальня», «талька», «карчи», «падун», «триангуляция» и др.) оставлены без разъяснения.

В книге даётся вольный, часто неточный перевод иностранных слов, которые к тому же нередко набраны с орфографическими ошибками, особенно частыми в написании французских слов (с. 232, 306, 676, 932, 938). Это вызывает удивление, поскольку у составителя был специальный консультант-переводчик, владеющий французским языком (с. 17). Ряд иностранных слов оказался и вовсе без перевода и даже верного написания (с. 38, 939). Так, ошибка допущена в написании немецкого числительного «fünfundzwanzig» (с. 306).

И всё же издание «Пережитого» исключительно важно для исследователей политического и социально-экономического развития пореформенной России, хотя, бесспорно, уровень подготовки к публикации данного текста отнюдь не соответствует значимости его содержания. Вместе с тем детальный анализ состава и времени создания мемуаров А.Н. Куломзина, не говоря уже о содержащейся в них информации может стать в дальнейшем предметом отдельного источниковедческого исследования.